Офицер флота

Александр Крон

SHOUT
SHARE
IT

- Крон Александр

Крон Александр
Офицер флота

Александр Александрович Крон
Офицер флота
Драма
в четырех действиях,
восьми картинах

Книга известного советского писателя Александра Крона состоит из двух частей. В первой части представлены пьесы: "Винтовка № 492116", "Трус", "Глубокая разведка", "Офицер флота", "Кандидат партии", "Второе дыхание". Во вторую часть вошли статьи Крона, посвященные театру.

От автора

Эти пьесы написаны давно. Первая - полвека назад, последняя датирована 1956 годом.

С тех пор я больше не писал пьес и уже многие годы пишу только прозу.

Для литератора, вдохнувшего запах театральных кулис еще в школьные годы, переход от драматургии к прозе связан с существенной перестройкой.

Глаз писателя в некоторых отношениях подобен фотообъективу. Для различной натуры существуют разные типы объективов, более того, - одна и та же натура, снятая различными объективами, дает несхожие изображения. Когда прозаик берется за драматургию или, что реже, драматург за прозу, происходит как бы смена объектива.

Когда меня спрашивают, как могло случиться, что драматург, четверть века активно и небезуспешно участвовавший в театральной жизни, так надолго, если не навсегда, от нее отошел, у меня на этот вопрос нет однозначного ответа. Меньше всего мне хочется ссылаться на трудности и огорчения, каких было немало. Еще меньше - возлагать вину на кого-либо или на что-либо от меня независящее.

Одна из причин - хотя и не главная: драматическая форма стала для меня тесна. В послевоенные десятилетия обозначился любопытный процесс: кинофильмы стали длиннее, а спектакли короче. Стало уже нормой, что спектакли идут с одним антрактом или даже совсем без антракта. Появилось множество пьес, рассчитанных на минимальное число участников. Драматурги, писавшие раньше симфонии, стали писать дуэты и трио.

Большинство моих пьес - в четырех актах. В них много

эпизодических ролей. Пьесы, несомненно, грешат многословием, тем не менее сокращать их трудно. От некоторой громоздкости мне, вероятно, уже не избавиться. Не случайно, став прозаиком, я обратился к романной форме, а не к новелле.

Но есть еще одна причина, пожалуй, даже более существенная. Отдавши драматургии четверть века, я обнаружил, что у меня нет близкого мне театрального коллектива, нет театра-единомышленника, где режиссура была бы заинтересована не в случайных контактах, а во мне как в равноправном участнике общего дела. Я достиг к тому времени возраста, когда уже становится утомительным ощущать себя вечным дебютантом и лишний раз убеждаться, что твоя пьеса лишь повод для спектакля.

У моего покойного друга, драматурга и театрального критика Леонида Антоновича Малюгина, есть книга с программным названием - "Театр начинается с литературы". Я полностью разделяю его убеждение. Вопреки мнению многих театральных деятелей, я не считаю пьесу полуфабрикатом. В отличие от пищевых полуфабрикатов, несъедобных без дополнительной обработки, пьеса самостоятельное произведение, предназначенное для театра, но существующее и вне театральных подмостков. Не называем же мы полуфабрикатами сонаты и симфонии, хотя чтение нот - умение сравнительно редкое, требующее специального образования. Читать пьесы значительно легче, и за последние десятилетия заметно возросло число людей, не только любящих, но и умеющих читать драматургию, выработавших на основе своего культурного опыта своеобразную стереоскопичность видения, позволяющую им разыгрывать спектакли наедине с автором. Об этом говорят возросшие тиражи пьес и киносценариев. Многие прозаики охотно включают в свои сборники наряду с повестями и рассказами киноповести и радиопьесы; все чаще печатаются пьесы в журналах, вышли из печати и разошлись несколько многотомных антологий. Рассчитаны все эти издания в основном на читающую публику, театры по традиции предпочитают машинописные экземпляры или стеклографические оттиски.

Почти одновременно с этой книгой в издательстве "Художественная литература" выходит в свет двухтомное собрание моих сочинений. Только проза - романы и очерки. Но мой отчет перед читателями за полвека работы в литературе был бы неполон без избранных пьес и статей о театре. Они составляют как бы дополнительный, третий том. Я включил в него только те пьесы, которые, с моей точки зрения, имеют право на жизнь. Не исключена возможность, что театры еще вернутся к ним, но в

основном книга адресована читателям, а вошедшие в нее немногие статьи делают излишним особое предисловие к пьесам и помогут читателям ближе познакомиться с автором.

Действующие лица

Военные моряки:

ГОРБУНОВ ВИКТОР ИВАНОВИЧ, капитан-лейтенант, командир подводной лодки.

ТУРОВЦЕВ ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ, лейтенант, штурман и помощник командира.

ЖДАНОВСКИЙ ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ, инженер-капитан-лейтенант.

КАЮРОВ ВАСИЛИЙ НИКИТИЧ, лейтенант, минер.

"ДОКТОР", военфельдшер на лодке.

ТУЛЯКОВ, главный старшина, моторист.

ХАЛЕЦКИЙ, боцман.

СОЛОВЦОВ, старший краснофлотец, рулевой.

ГРАНИЦА \

ГЛАЗЫЧЕВ } краснофлотцы.

ДЖУЛАЯ /

КОНДРАТЬЕВ БОРИС ПЕТРОВИЧ, капитан третьего ранга, командир дивизиона подводных лодок.

БЕЛОБРОВ, контр-адмирал.

ВЕРЕТЕННИКОВ, старший лейтенант.

СЕЛЯНИН, военинженер третьего ранга.

СОКОЛОВ, связной Селянина.

Граждане Ленинграда:

ИВАН КОНСТАНТИНОВИЧ, художник.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА, его дочь.

ПАВЕЛ АНКУДИНОВИЧ, строитель.

ЮЛИЯ АНТОНОВНА, вдова моряка.

НИКОЛАЙ ЭРАСТОВИЧ.

ТАМАРА, его жена.

МАРИША.

НЕИЗВЕСТНАЯ ЖЕНЩИНА.

СТОРОЖИХА.

ШОФЕР.

Краснофлотцы на подводной лодке, жители дома на Набережной.

Действие происходит в Ленинграде и на Балтике в 1941-1942 годах.

Действие первое

Картина первая

Двор каменного дома на Набережной. В полуовале арки ворот - заснеженная мостовая, ограда реки, силуэт

рубки подводной лодки, стоящей на приколе у Набережной. Снизу, из приоткрытого рубочного люка, пробивается желтый электрический луч. На фоне серо-лилового, сумрачного неба неясно вырисовываются очертания городских зданий за рекой. Красноватые отсветы на облаках. Отдаленный гул канонады. Над застывшей рекой плывет симфония Чайковского расстояние смягчает простудный хрип рупоров, и музыка звучит приглушенно, но чисто.

На переднем плане - крыльцо черного хода. Лестничное окно над крыльцом разбито, и с подоконника свешивается огромная сосулька, похожая на сивую нечесаную бороду. В подворотне стоит медный кипятильник. Под ним еще тлеют угли. Около кипятильника выстроились в очередь жители дома. Они жмутся к огню, чтобы согреться. Здесь же двое моряков: главный старшина Туляков - солидный, неторопливый, манера мягко-повелительная, и совсем молодой краснофлотец Граница - сильный, по-мальчишески грубоватый. Они чинят кран.

Т у л я к о в. Так. По идее теперь не должен брызгать. (Пускает воду.) Все нормально. Граница!

Г р а н и ц а. Есть.

Т у л я к о в. Наберете ведро и давайте живо на лодку.

Г р а н и ц а. Есть, старшина.

Т у л я к о в. Теперь - граждане население! Кто желает кипятку, подставляйте тару. Только нормально, соблюдая порядочек, и проход чтоб не загораживать...

Г р а н и ц а. Эй, гражданин! Вы, вы! С ведрами - отставить! На речку, что ли, пришли?

Т у л я к о в. Ладно, товарищ Граница. Лишнего не говорите. Извиняюсь, гражданин, поменьше-то лагунка у вас не найдется?

Г о л о с а. Безобразие!

- Не давать ему!

- Да этот известный, что вы с ним разговариваете!

- И как только совести хватает!..

Н и к о л а й Э р а с т о в и ч (тонкое, еще недавно холеное лицо, блеющий голос). Да, у меня хватает. Представьте себе - у меня хватает. Вы, гражданка, здоровы как бык и можете брать воду из проруби, а я... а я физически не могу. У меня общее депрессивное состояние.

Г о л о с а. Работать - так он больной!

- А еще интеллигентный человек!

- Стыдно!

Николай Эрастович. Нет, мне ни капельки не стыдно. Ни чуточки. Какой вздор! Почему мне должно быть стыдно? Мой организм получает недостаточное питание... Я биологически вынужден к борьбе за существование! Товарищ краснофлотец, позвольте пожилому человеку... Я вам заплачу.

Граница. Здесь не лавочка, кажется. (Яростно.) Куда?! Отработай назад, депрессивный...

Туляков. Граница, повоздержитесь!

Граница. Есть.

Туляков. Задевать не надо. Объясните спокойно, нормально, деликатно...

Граница. Есть, деликатно... (Николаю Эрастовичу, шепотом.) Отойди, а то ошпарю.

Голоса. Бригадирша идет!

- Сейчас она его возьмет в шоры!..

Юлия Антоновна (седая, величественного вида женщина в пенсне. Противогаз, на руке повязка бригадира). Что такое? Ну, конечно. Раз тут Николай Эрастович, то и спрашивать нечего. Здравствуйте, голубчик! Вы почему вчера не явились на пост по тревоге? Только не врите.

Николай Эрастович. Во-первых...

Юлия Антоновна. Во-первых, надо здороваться. Еще недавно вы лезли целовать ручку. Быстро же вы линяете! Посмотрите на себя. Какой-то бабий платок, кацавейка, перьями оброс...

Николай Эрастович. Юлия Антоновна!

Юлия Антоновна. Что - Юлия Антоновна? Вы - скверный трусишка. (Пошла и остановилась.) И передайте своей Тамаре: мне на нее жалуются соседи. В три часа ночи патефон, какие-то гусарские пирушки. Что ей так весело?

Николай Эрастович. Это меня не касается. Мы с ней разошлись - это все отлично знают.

Юлия Антоновна. Скажите ей, чтоб угомонилась, а то будет иметь дело со мной.

Художник (везет на саночках ведро. Высокий, прямой, очень красивый старик в дохе. Шея повязана башлыком). Здравствуйте, Юлия Антоновна. Милая женщина, все воюете?

Юлия Антоновна. Здравствуйте, гений! Как это вы решились спуститься с высот духа на нашу грешную землю? (Мягче.) Ну? Как ваше здоровье, сокровище?

Художник. Да вот, как видите... Отлично. Путешествовал на Иордань и... очень удачно. И я почти не утомлен. Вообще, давайте условимся: я совершенно здоровый человек.

Юлия Антоновна. Двадцать лет это говорю.

Х у д о ж н и к. Теперь мне самому кажется, что мое существование до сих пор было каким-то... удивительно нелепым. Почему меня не пускали гулять? Плохая погода. Допустим. Плохая погода не бывает круглый год. Ко мне не пускали людей, которые мне нравились. Теперь я живу, как все: хожу по улицам, встречаюсь с людьми... Наконец, я работаю! Раньше мне разрешали писать только два часа в день. Какая чепуха! Так нельзя работать. Ничего нельзя сделать порядочного.

Ю л и я А н т о н о в н а. Я и говорю - божество. Здорового мужика посадили под стеклянный колпак. Натоплено, как в бане, кругом гомеопаты, приживалки, избранные, преданные... Ах, Иван Константинович, сквозняк! Ах, Ивана Константиновича нельзя волновать... Тьфу! Не могу вам выразить, до чего вы мне были противны.

Х у д о ж н и к. Ну, вот уж и резкости. Прошу прощения... (Поднял кверху глаза, прислушивается.)

Музыка замолкла. Женский голос, приглушенный расстоянием, произносит несколько фраз: вероятно, объявляет об окончании концерта и анонсирует следующую передачу.

Ю л и я А н т о н о в н а. Что такое? Вам нехорошо?

Х у д о ж н и к (улыбается). Напротив. Я очень рад. Катя сегодня свободна и ночует дома. Отлично.

Ю л и я А н т о н о в н а. Откуда вы знаете?

Х у д о ж н и к (хитро). О, это моя маленькая тайна. Я всегда знаю, когда она придет.

Ю л и я А н т о н о в н а. Начинается! Тень на ясный день. Терпеть не могу мистики.

Х у д о ж н и к. Не сердитесь, милая женщина. Я вам сознаюсь. Теперь у нас нет телефона, и мы с Катюшей составили маленький заговор. Вы слышали, она сказала: "Передача окончена". Достаточно - я знаю: она придет. Тут вся штука в интонации. Ловко? Только вы, пожалуйста, нас не выдавайте. У них на Радио ужасные строгости - еще нагорит нам... (Заторопился.)

Т у л я к о в. Товарищ художник!

Х у д о ж н и к. Вы - меня?

Т у л я к о в (приблизился). Так точно. Разрешите к нам обратиться.

Х у д о ж н и к. То есть, как это?.. А-а! Вы хотите со мной поговорить? Ну да, конечно, пожалуйста...

Т у л я к о в (смущаясь). Такой вопрос: вы, значит, но специальности являетесь художник?

Х у д о ж н и к. Совершенно верно.

Т у л я к о в. Ясно. Так вот у нас на лодке такой спор вышел: одни говорят, что вы якобы однофамилец...

Х у д о ж н и к. Позвольте?..

Т у л я к о в. Минуточку... А вот я им как раз и заявляю, что вы именно есть тот самый... ну, знаменитый... вот, что в Русском музее...

Х у д о ж н и к. В Русском музее? Да, там есть мое... Много моих гуашей, масло...

Т у л я к о в (радостно). Факт, значит? Разрешите... (Отнял у художника чайник, выплеснул воду и подставил под кран кипятильника.) Вот, пожалуйста. Может, чайку попьете. И еще разрешите узнать: вы давно здесь проживаете?

Х у д о ж н и к. Да, много лет. Пожалуй, больше сорока.

Т у л я к о в. Так. И еще, извиняюсь, такой вопрос: почему вы не эвакуированный?

Х у д о ж н и к. Почему? Видите ли, это не так легко объяснить. Когда сживаешься с этой цветовой гаммой, сорок лет пишешь эти восходы и закаты, становишься почти неодолимым от пейзажа. Вы меня не совсем понимаете? Короче говоря, вероятно, я слишком петербуржец.

Т у л я к о в. Как? Ну да, ну да, ленинградец. Ясен, ясен вопрос. (Пауза.) А на рояле это вы играете? У нас с мостика хорошо слыхать. Ребята выйдут покурить - слушают.

Х у д о ж н и к. Нет. Это не я. Это дочь. Теперь уже она не играет. Холодно. Струны лопаются.

Т у л я к о в. А вы обратитесь к нашему командиру. Разрешит - так я зайду. Туляков моя фамилия. Главный старшина.

Х у д о ж н и к. Ну, это неудобно. А вы разве умеете настраивать фортепиано?

Т у л я к о в. Не знаю, не пробовал.

Х у д о ж н и к (смеется). Так как же вы...

Т у л я к о в. Как-нибудь разберемся. Играть - это действительно артистом надо быть, а самый этот рояль, он ничего такого особенного из себя не представляет. Механизм.

Ю л и я А н т о н о в н а. Тише! Сводка!

Очередь у кипятильника замерла. Журчит радио.

Т у л я к о в (шепотом). Наши на юге дают жизни...

Х у д о ж н и к. Как вы сказали?

Т у л я к о в. Наши, говорю, дают немцу жизни.

Х у д о ж н и к. А! Да-да. Великолепно!

Н и к о л а й Э р а с т о в и ч (громко). Возмутительно! Я решительно протестую. В чем дело, я беру на двоих: на себя и на жену...

Г о л о с а. Тише, черт бы вас!..

- Заткните ему глотку!

Художник. Не расслышал. Что, что на Ленинградском?

Юлия Антоновна. Ничего. Все то же. "Три пулемета, два миномета...".

Туляков. Окопался, дьявол. Измором хочет взять.

По набережной мечется какая-то женщина в платке.

Подбегает к лодочному трапу.

Женщина (кричит). Моряки, дайте хлеба!

Глазычев (у трапа). Пройдите, гражданка. Нельзя. Не разрешается.

Женщина. Морячок, дорогой! Молодой человек! Сын у меня ваших лет. Флотский. Вот глядите - полевая почта номер тысяча один... ох, в глазах темно...

Глазычев (мягче). Проходите, мамаша. Сами жмемся, животы подводит.

Команда "Смирно!" По трапу спускается Горбунов. Ему лет тридцать, выглядит он, впрочем, как многие подводники, старше своих лет. Он суховатый, очень подтянутый. С ним инженер-механик Ждановский, человек лет тридцати пяти со скуластым, замкнутым лицом.

Горбунов. Прекратить разговоры! (Женщине.) Что вам нужно?

Женщина. Товарищ военный, невмоготу. Хлебушка бы кусочек.

Горбунов. Отойдите от трапа. (Идет к кипятильнику.)

Женщина (следует за ним). Товарищ командир! Деточка ты моя! Не сердись на старуху. Карточки потеряла, а может, украли... Хожу, как в тумане, никакой памяти нет. Что ж мне теперь, погибать, значит?

Горбунов. Это правда? (Пауза.) Держите. Прячьте скорей. Теперь идите и больше не приходите...

Женщина. Дал! От себя, последнее дал. Как вас звать, скажите, я за вас молиться буду. Я на колени встану...

Горбунов. Это еще что такое? Марш отсюда! Быстро! (Отворачивается и раскуривает трубку.)

Женщина уходит бормоча. Пауза.

Пропадет старуха. Этой не вытянуть... Галету дал - это пустяки. А помочь нечем. Что молчите, Федор Михайлыч?

Жданов ский й. А что говорить?

Горбунов (идет к кипятильнику, греет руки). Как дела, Туляков?

Туляков. Все нормально. Поршневые кольца сменили, нынче соберем. С праздником вас, товарищ капитан-лейтенант. С корабельной годовщиной.

Г о р б у н о в. Спасибо. И вас также.

Кто-то подъехал к дому на мотоцикле.

А помните... (Быстро.) Вернитесь, товарищ краснофлотец!

С о к о л о в (оставил мотоцикл под аркой и хотел прошмыгнуть мимо Горбунова.) В чем дело?

Г о р б у н о в. Подойдите ближе. Разве на флоте отменены приветствия?

С о к о л о в. Я вас не видел.

Г о р б у н о в. Неправда. Почему вы в таком виде? Где ваш ремень?

С о к о л о в. Уж очень вы требуете, товарищ капитан-лейтенант. Не такое нынче время...

Г о р б у н о в. А что такое? Светопреставление? Встаньте как следует. Фамилия? Какой части?

С о к о л о в. Старший краснофлотец Соколов. От военинженера третьего ранга Селянина.

Г о р б у н о в. Селянина? (Нахмурился вспоминая, но ничего не вспомнил и пожал плечами.) Ко мне?

С о к о л о в. Да нет, тут во дворе гражданочка живет - Тамара...

Г о р б у н о в. Я вас о ней не спрашивал. Так вот, отправляйтесь назад и доложите своему командиру, что капитан-лейтенант Горбунов просит его наложить на вас взыскание. Ясно? Вот так.

С о к о л о в. Так как же я...

Г о р б у н о в. Выполняйте приказание.

Соколов ретируется.

Безобразие!..

Т у л я к о в. Что вы, товарищ командир?

Г о р б у н о в. Ничего... Так к субботе переборку дизелей закончим?

Т у л я к о в. Все будет нормально, товарищ командир.

Г о р б у н о в (подошел к Ждановскому). Холодина, а?

Тот молча кивнул.

Я ночью на лодке так продрог, что, кажется, вовек не согреюсь.

Т у р о в ц е в (подошел. Молодой крепыш, задорный и щеголеватый). Товарищ командир корабля...

Г о р б у н о в. Слушайте, товарищ помощник. Когда вы шли к нам на лодку, вас предупреждали, что у меня скверный характер?

Т у р о в ц е в (замялся). Н-не знаю...

Г о р б у н о в. Что - не знаю? Говорили - Горбунов-де тяжелый человек: сухарь, упрямый, мелочный... А? Говорили?

Т у р о в ц е в. Точно.

Г о р б у н о в. Так вот имейте в виду: все это - чистая правда. Со мной служить трудно. А мне про вас тоже говорили, что вы очень симпатичный товарищ, но лентяй. Вам, стало быть, будет еще трудней. Давал я вам указание подыскать на берегу помещение для команды? Давал. Что сделано? Ничего. Хотите ссориться - давайте.

Т у р о в ц е в. Товарищ командир, ведь насчет помещения вы это так, вскользь сказали...

Г о р б у н о в. На ветер, значит? Так вот: сегодня в двадцать один час доложить. И прошу помнить: у нас на лодке двадцать один час - это значит двадцать один ноль-ноль, а не ноль одна и не ноль две. Дальше. Что у вас произошло с Границей?

Т у р о в ц е в (неохотно). Ничего особенного. Он мне нагрубил.

Г о р б у н о в. Вот так ничего особенного! Что же он сказал?

Т у р о в ц е в. Я просил его дать мне вперед пачку галет...

Г о р б у н о в. Нечего просить, надо было приказать. Что же он?

Т у р о в ц е в. Разворчался, что у нас-де так не водится, в кают-компании хлеб не делят, все, что есть, то и на столе, нечего, мол, традицию портить...

Г о р б у н о в. Не его дело указывать, но в общем правильно. В грубом тоне?

Т у р о в ц е в. Да.

Г о р б у н о в. Ну?

Т у р о в ц е в. Десять суток.

Г о р б у н о в. Порядочно! Видно, очень рассердились?

Т у р о в ц е в. Погорячился, товарищ командир.

Г о р б у н о в. Что же... Придется завтра отправить.

Т у р о в ц е в. А не отставить ли это дело?

Г о р б у н о в. Э, нет... Раньше надо было думать. Власть, дорогой товарищ, - это как нож в руках хирурга. Очень острая штука - к ней надо ясную голову. Нет, уж теперь извольте. Мне не нужен помощник, у которого слова расходятся с делом.

Туровцев мнется.

А теперь скажите, зачем вам нужны галеты?

Туровцев молчит.

Говорят, здесь во дворе живет особа, у которой происходят какие-то вечеринки. Вы бываете там?

Т у р о в ц е в. Я думаю, это мое личное дело.

Г о р б у н о в. Не совсем. Вы служите у меня на лодке. Мне это не нравится. И вы носите форму. Вы - офицер.

Т у р о в ц е в (усмехнулся). Офицер?

Г о р б у н о в. Так точно. Что вас так поражает? Слова

"генерал" вы уже не пугаетесь, потому что оно напечатано в газетах. А тут ничего не известно, надо самому решать: хорошо я сказал или плохо. (Смотрит на часы.) Проверьте все к торжественному подъему флага. Потом уборка, ремонт. Смотра не будет.

Т у р о в ц е в. Почему, товарищ командир корабля?

Г о р б у н о в. Потому что и так видно, что грязь. Замазали ржавчину масляной краской - и довольны. А колупнешь ногтем - гниль. Этак у нас на лодке скоро змеи заведутся...

Т у р о в ц е в. Товарищ командир! Если я вам не гожусь, отпустите меня. Вам у меня все не нравится...

Г о р б у н о в. Скажите, как просто! Ничего, я из вас сделаю настоящего помощника. А если нам все-таки придется расстаться, я вам об этом скажу. Идите.

Туровцев поворачивается и уходит. Пауза. Горбунов и Ждановский прислушиваются к журчанию радио. Оба улыбнулись.

Ж д а н о в с к и й. Верно - хорош.

Г о р б у н о в. Да. (Встрепенулся.) Вы о чем?

Ж д а н о в с к и й. Голос.

Г о р б у н о в. Удивительный, а? В душу просится. Черт его знает, что в нем такое... Не будете смеяться? По-моему, женщина с таким голосом не может лгать. А мне в жизни много лгали, и я не очень доверчив.

Ж д а н о в с к и й. Бросьте об этом думать. Не стоит.

Г о р б у н о в. Да нет, я так только... Слушайте, механик, вы о чем говорите?

Ж д а н о в с к и й. О вашей жене. Выкиньте из головы. Не стоит.

Г о р б у н о в. У меня нет жены. Нет и не было. Ясно? (Пауза.) Знаете, я давно хотел вас спросить, почему вы всегда угадываете мои мысли? Иной раз я еще не успеваю задать вопроса, как вы уже отвечаете. Что это?

Ж д а н о в с к и й. Не знаю. Наверное, привычка.

С улицы появляется боцман Халецкий, огромный, похожий на негра, но рыжий. За ним Джулая, с автоматом на шее, ведет прихрамывающего мужчину в штатском пальто и с палкой в руках. Немолодое бритое лицо в резких морщинах.

Х а л е ц к и й. Разрешите?..

Г о р б у н о в. В чем дело, боцман?

Х а л е ц к и й. Подозрительный. Стоит и смотрит.

Д ж у л а я. Сигнальщики говорят - уж который раз он здесь ходит...

С т р о и т е л ь (спокойно). Здорово, Виктор.

Г о р б у н о в. Павел Анкудинович?

С т р о и т е л ь. Он. Здорово, механик. (Обнимается с обоими.) Тише, черт, ногу... Ну, чего глядите? Зачем пришел? Потянуло. Годовщину вспомнил. Поздравлю и уйду.

Х а л е ц к и й. Ясно. Разрешите идти?

Г о р б у н о в. Погодите. Боцман!

Х а л е ц к и й. Есть.

Г о р б у н о в. Видите этого человека? Он построил нашу лодку. Любить и почитать!

С т р о и т е л ь. Ну, здорово, боцман. Что ты такой рыжий? (Горбунову.) Жинка где?

Г о р б у н о в. Не знаю. Я был в море, когда наши оставили Либаву. Ничего не знаю, не спрашивай. Что делаешь?

С т р о и т е л ь. Ничего.

Г о р б у н о в. Как?

С т р о и т е л ь. Вот так - ничего. Кто же теперь в Питере корабли строит? Первый раз в жизни этакая муть. Я сроду не отдыхал. Веришь ли, в тридцать седьмом, как из Америки вернулся, меня нарком в санаторий силком загнал. Дворец, пальмы, икрой кормят, кругом бабы в трусах - рай земной! Четыре дня вытерпел - сбежал. А теперь прозябаю. Не умею сложа руки сидеть, по мне, лучше не жрать.

Г о р б у н о в. А у меня как раз ремонт большой. Что раньше не пришел?

С т р о и т е л ь. Трудно мне ходить. Далеко.

Ж д а н о в с к и й. Врет.

Г о р б у н о в. Почему - врет?

Ж д а н о в с к и й. Не знаю почему. Так ему нравится.

Г о р б у н о в. А ведь верно - врешь. Тебя сигнальщики с лодки видели.

С т р о и т е л ь. Ребята, я пойду.

Ж д а н о в с к и й. Ты где харчишь, инженер?

С т р о и т е л ь. А что тебе? Дома.

Ж д а н о в с к и й. Вчера обедал?

С т р о и т е л ь. Ну, к чему это? Ну, обедал.

Ж д а н о в с к и й. Что было на обед? Быстро!

Строитель молчит.

Не умеешь врать - не берись.

Г о р б у н о в. Так? Ну, спасибо. В жизни тебе этого не прощу.

С т р о и т е л ь. Ну, ладно, ты на меня не ори. Понятно? К тебе бы я пришел. А тут командир...

Г о р б у н о в. Хватился! Борис Петрович теперь командир дивизиона. Ты брось... Что-что, а куском хлеба он бы тебя не

попрекнул.

Граница, радостно оживленный, ведет, обнимая за плечи, высокого парня в армейской шинели и с мешком за плечами. У парня светлые дерзкие глаза. Он, улыбаясь, глядит на командира.

С т р о и т е л ь. Это кто ж теперь командиром на лодке? Уж не ты ли?

Г о р б у н о в. Ты молчи. Задержали, как подозрительного, ну и молчи. Граница!

Г р а н и ц а (подбежал). Есть, Граница!

Г о р б у н о в. Леша, проводи инженера на лодку. Чаю быстро.

Г р а н и ц а. Есть. Только хлеба нет ничего, товарищ капитан-лейтенант.

Г о р б у н о в. Найти.

Г р а н и ц а. Есть, найти. Пожалуйте, товарищ инженер. (Уходит вместе со строителем.)

Горбунов заметил парня в армейской шинели. Тот приветствует его.

Г о р б у н о в. Вам что? Ко мне?

С о л о в ц о в. Не узнаете, товарищ командир?

Г о р б у н о в. Соловцов?

С о л о в ц о в. Старший краснофлотец Соловцов, сын собственных родителей. Разрешите поздравить вас с торжественным днем корабельного праздника.

Г о р б у н о в (Ждановскому). Помнит, а? Ведь помнит! (Обнял Соловцова.) Откуда?

С о л о в ц о в. С Ханко.

Г о р б у н о в. Как вы туда попали?

С о л о в ц о в. С Даго.

Г о р б у н о в. А на Даго?

С о л о в ц о в. С Таллина. А туда с Либавы. Разрешите закурить, товарищ командир? Ежели рассказывать - жизнь, как в кино. В окружении два раза был, в Мухувейне тонул, взводом разведки командовал.

Г о р б у н о в. Цел?

С о л о в ц о в. Две дырки. Вот и вот. Вот здесь пуля. Все вынуть некогда. Ничего, матрос - зверь живучий. Я про себя, если желаете, потом подробно, в лицах доложу. Вы про свою жену слыхали что, товарищ командир?

Г о р б у н о в. Нет.

С о л о в ц о в. Погибла, товарищ командир.

Г о р б у н о в (хрипло). Как?

С о л о в ц о в. Геройской смертью. На моих глазах.

Г о р б у н о в. Говорите. Все. Все, что знаете.

С о л о в ц о в. Есть. Не помню уж которого числа... Сижу я на губе...

Г о р б у н о в (нервно). Не понимаю. Где? Почему?

С о л о в ц о в. А в Либаве. Еще как вы посадили. Сижу. Аж пищу от злости. Что посадили - ладно. Было за что. А вот что лодка в море, а меня не взяли... Сижу. Город бомбят, слышу канонаду. Ближе, ближе. Что за черт, думаю, забыли про Соловцова, что ли? Ночью вызывают к коменданту. Сразу винтовку в руки: "Поедете с грузовой машиной охранять имущество". Я заикнулся было про лодку, как, мол, и что... "Не разговаривать!" Ладно. Погрузились мы с шофером. Ждем. Потом вижу: подходит к машине ваша супруга, чемоданчик у ней маленький и мальчишку за руку тянет.

Г о р б у н о в (тихо). Вовка!

С о л о в ц о в. Точно - Вовка. А ведет ее командир, такой представительный...

Г о р б у н о в. Фамилия?

С о л о в ц о в. То-то и печаль, что не спросил. Вы слушайте. Обращается ко мне: "Соловцов?" - "Точно так". - "В мое распоряжение". "Есть". Тронулись, значит.

Г о р б у н о в. Дальше.

С о л о в ц о в. Сейчас. Отъезжаем таким манером километров тридцать. Слышим, за нами мотоциклы шпарят. Сначала думаем: свои. Потом трёхнулись немцы. Шофер газанул, однако видим - не уйти. Стоп, машина! Командир молчит, ничего не говорит. Мы с шофером выскочили с винтовками, гранаты за ремень и залегли в канаву. Решили - отобьемся. Тут Елена Васильевна тоже из кабины выходит. А тот - ни с места, ровно окаменел. Она ему: "Что же вы, слезайте!.." А он только губами шевелит, бормочет: "Не могу, не имею права, ценный груз по акту..." Вдруг она как развернется и р-раз ему: "Сволочь ты, говорит, был трус, таким и остался..." Отняла у него автомат - и к нам.

Г о р б у н о в. Ну, ну?

С о л о в ц о в. Отбились. Пять машин сбили. Кореша моего ранило, а с ней - ничего. Поднялась было, вдруг, черт его не знает, откуда он взялся шестой. И прострочил. Зло меня взяло, - я его тут же гранатой. В дым! Подбегаю к ней, а она уже и говорить не может. Сказала только: передайте мужу... а дальше - все.

Г о р б у н о в. Ну, ну?

С о л о в ц о в. Все. Подняли мы ее, положили на бушлат. Сунулись к машине. А машины нет. Утекла! Ну, думаю... Ладно, не хочу говорить. Выкопали ножами могилку, похоронили честью, как бойца. Перевязались, подобрали мотоцикл исправный, и -

ходу... Вырвались.

Г о р б у н о в. А Вовка в кабине остался?

С о л о в ц о в. В кабине. Спал.

Г о р б у н о в. Где вы теперь? Как вас найти?

С о л о в ц о в. В экипаже. Возьмите меня обратно на лодку, товарищ командир.

Г о р б у н о в. Зачем? Чтоб опять на гауптвахту сажать?

С о л о в ц о в (торжественно). Товарищ капитан-лейтенант! Возьмите с меня какую желаете клятву. Если с моей стороны хоть какое нарушение, ставьте прямо к стенке. Вы только враз не отказывайте. Разрешите покуда к бойцам на лодку? С праздником поздравить. (Сбрасывает с плеч мешок.)

Г о р б у н о в. Хитер. (Показал на мешок.) Это что?

С о л о в ц о в. Консервы. С Ханко. Двадцать банок - еле допер... Не сомневайтесь: все законным порядком. Разрешите Границе сдать?

Г о р б у н о в. Хорошо. Идите. Я подумаю...

Соловцов делает "кругом" и, радостный, уходит.

Механик, что же это? Скажите что-нибудь.

Ж д а н о в с к и й. Я утешать не умею. Если могу помочь, командуйте. Ничего мне можете не объяснять, скажите только, что нужно делать. Будет сделано. Расшибусь.

Г о р б у н о в. Спасибо. (Пауза.) Механик, я сказал: у меня нет жены. Как я мог это сказать? Неправда, есть, была! Она могла меня мучить и обманывать, у нас были свои счеты, но все равно - она моя, моя жена, Лелька. Вот я стою здесь, услышал голос в трубе, раскис, черт бы меня драл, фантазии строю, а мою жену... (Сморщился, как от физической боли, рванул ворот.) Федор Михайлович, дорогой, я ни единому человеку никогда словом не обмолвился, но вы-то видели, что она со мной делала! Ведь держишься-держишься, да и взвоешь волком от тоски, от обиды. Как я хотел сына, механик! Ждал, волновался... Помните, мы ходили на стрельбы, вернулись на базу под вечер, уж стемнело, а меня на пирсе встречают, поздравляют, руки жмут. Я, как был, - в машину, прилетаю в больницу, доктора тоже поздравляют... Иду пешком домой, как дурак, счастливый. А на столе письмо. Видно, когда увозили ее, растерялась, так на столе и бросила. Я бы не стал читать, никогда бы себе не позволил, а тут реле не отработало - думал, мне. Прочел и чуть о косяк не хлопнулся. Не мой ребенок - ясно? И пишет она ему, не знаю, кто он такой, имени даже не знаю... И что меня тогда особенно резануло - обо мне, как о чужом, как о помехе, холодно, с насмешкой: "он!", "супруг!".

Х а л е ц к и й (подошел). Товарищ командир корабля,

разрешите? До подъема флага осталось пять минут.

Г о р б у н о в. Что-о? Что вам нужно, боцман?!

Х а л е ц к и й. Виноват... Докладываю, до подъема флага пять минут, товарищ капитан-лейтенант.

Г о р б у н о в. А! Извините. Хорошо. Да-да. Идите.

Халецкий уходит.

Я ее возненавидел. Страшно сознаваться - были у меня минуты, хотел, чтобы она умерла. Ненависть! Черта с два я тогда понимал, что это такое, если горькую обиду свою, злую ревность, боль сердца называл таким словом. А вот сейчас это все куда-то ушло, и я знаю одно: Лельку убили! Фашист, сволочь, убил мою Лельку! Он давно сгнил, но разве мне легче от этого, когда они ходят по нашей земле, душат мой город, а я торчу здесь в подворотне, на заднем дворе у помойной ямы... Что делать, механик?

Ж д а н о в с к и й. Ждать. Весной пойдем в море. Я живу только этим. У меня больше ничего нет. Жду и считаю дни.

Г о р б у н о в. Весной. Это далеко - весна.

Ж д а н о в с к и й. Не перегревайтесь вхолостую, командир.

Г о р б у н о в. А этот, этот, как его?.. Лелька говорит: "Передайте мужу..." Я знаю что. Она хотела сказать: пусть возьмет Вовку, воспитает его, чтобы он никогда не знал своего отца, труса, предателя... У таких не должно быть детей. Ведь он боялся меня! Спрашивал же я Лельку: "Ну, кто отец, скажи? Выходи за него, если любишь". Не сказала. А? Он боялся меня. Что делать, механик? Где найти его, чтоб взять за горло и сказать: отдай сына, гадина!

Ж д а н о в с к и й. Человек - не иголка. Найдем. Я найду.

Г о р б у н о в. Спасибо, друг. Помните, я спросил вас, откуда вы знаете мои мысли? Вы сказали: привычка. Нет, механик, это - дружба. Это не важно, что мы мало говорим, что за столько лет не сказали друг другу "ты". Сегодня мы выпьем с вами свои сто грамм на... есть такое слово... а черт с ним, просто выпьем, по-братски. Люди часто говорят много лишних слов, и за ними темно, а между нами их нет - и лучше. Ясно? Вот так, всё! Пошли.

Они проходят под аркой, подымаются по трапу. На палубе лодки выстроена команда.

- На флаг - смирно!

Строй замер.

- Вольно!

В воздухе свистит снаряд. Разрыв далеко, где-то за рекой. Второй - ближе. Резкие звонки боевой тревоги на лодке.

Ю л и я А н т о н о в н а (выбежала, смотрит на часы).

Немецкая точность.

Т а м а р а (идет за ней; красивая женщина со злым и усталым лицом). Куда бросает?

Ю л и я А н т о н о в н а. Близко. На Выборгскую.

Короткий свист и сильный разрыв. Арку заволокло дымом и паром.

Н и к о л а й Э р а с т о в и ч (выбегает). Тамара, идем в котельную. Ужасно! Вот ведь ставят к самому дому военные корабли!

Т а м а р а. Замолчи! Замолчи!

Граница и "доктор", тоже очень молодой, почти мальчик, ведут под руки раненого лейтенанта Каюрова.

Ю л и я А н т о н о в н а. Что случилось, доктор?

Д о к т о р. Минера - осколком.

Ю л и я А н т о н о в н а. Несите ко мне. Николай Эрастович, вам ближе, принесите с поста носилки.

Н и к о л а й Э р а с т о в и ч. Но почему именно я?

Т а м а р а. Ух! Ну и дрянь же ты, Колька! (Убежала.)

К а ю р о в (открыл глаза). Что? Почему? Кто это?

Д о к т о р. Минуточку. Сейчас носилки будут.

К а ю р о в. Нет, к чертям. Тащи меня обратно. На лодку тащи.

Д о к т о р. Нельзя.

К а ю р о в. А я говорю - на лодку! Граница! Выполняйте приказание.

Г о р б у н о в (подбежал). Куда? Василий Никитич, не дурить! Я вас прошу. Куда вы его тащите?

Г р а н и ц а. Приказано.

Г о р б у н о в. Отменяю. Выполнять приказания доктора.

К а ю р о в. Пробоина! Пробоина есть?..

Г о р б у н о в. Без вас заделают. Не шевелиться!

К а ю р о в. Есть. Командир... Я вернусь. Скоро. На мое место - никого. Я скоро... (Потерял сознание.)

Тамара и художник вносят носилки. Каюрова кладут на них.

Х у д о ж н и к. Я полагаю - ко мне? У меня первый этаж. (Берется за ручки носилок.)

Ю л и я А н т о н о в н а. Вам будет тяжело. Зачем? Есть молодые люди.

Х у д о ж н и к. Только, пожалуйста, без опеки...

Тамара и художник уносят носилки. Юлия Антоновна следует за ними.

Т у л я к о в (подбежал). Товарищ капитан-лейтенант, вас помощник просит.

Г о р б у н о в. Сейчас иду. Туляков, как голова?

Т у л я к о в (отирая рукой окровавленный лоб). Все нормально. Разрешите идти?

Г о р б у н о в. Да. Так что же я... (Щелкает пальцами.) Мне тоже надо идти. Праздничек выдался, ч-черт... (Сдержался.) Эх, Граница, душа болит...

Г р а н и ц а. Товарищ командир, а вы же объясняли, что души вроде нет.

Г о р б у н о в. Чудак! Болит - значит, есть.

Конец первого действия

Действие второе

Картина вторая

Запущенная комната в квартире художника. Видно по всему, что здесь долго никто не жил. Теперь ее приводят в порядок. Вечер. Пылает камин. У огня, на тахте, укрывшись с головой, спит строитель. Тут же художник; он склонился над секретером и что-то пишет при свете коптилки. Юлия Антоновна обметает пыль с картин. Соловцов прилаживает светомаскировку. У раскрытого рояля возятся Туляков и Граница. Граница с гитарой.

Т у л я к о в (пробуя пальцем клавиши). Граница!

Г р а н и ц а. Есть.

Т у л я к о в. А ну дайте "ля". Отставить. Еще раз. Попротяжнее. (Строго.) Ля? Это точно - ля? (Пробует клавишу.) Нормально?

Г р а н и ц а. Точно.

Т у л я к о в. Куда это я тросик забельшил? Хороший такой был тросик, подходящий, в аккурат для басов... Товарищ художник! Не мешаем вам?

Х у д о ж н и к (поднял глаза). Простите?

Т у л я к о в. Не мешаем, говорю?

Х у д о ж н и к. Нет-нет. Напротив. Я устал от тишины. Еще недавно мне мог помешать самый невинный шорох, а теперь я рад, когда слышу шум и человеческие голоса. (Подходит к камину, греет руки.) Великолепная вещь огонь. Сегодня утром город был необыкновенно хорош. Какой-то совершенно новой красотой...

Ю л и я А н т о н о в н а. Не знаю, где вы ухитрились увидеть эту самую красоту! Помните, Угловой дом напротив Спаса на Крови? Я сегодня проходила мимо. Страшно посмотреть!

Х у д о ж н и к. Не спорю, не спорю... И все-таки это только шрамы на теле бойца. Они только подчеркивают великолепную пластику его мышц. Пусть только станет немножко теплее на

дворе, обязательно начну работать маслом.

Ю л и я А н т о н о в н а. Ну, ну, не увлекайтесь. У вас все-таки слабые легкие...

Х у д о ж н и к. Чепуха... Я хочу вести жизнь, достойную человека. Я давно не жил так полно, как сейчас. Если придется умереть, я умру стоя.

С о л о в ц о в. Готово. (Закончив светомаскировку, хочет спрыгнуть и обрушивается вместе с подоконником.)

Ю л и я А н т о н о в н а. Медведь! Ну, больно?

С о л о в ц о в. Обойдется. Домишко вовсе ветхий. Неужто такому человеку лучше квартиры не положено?

Х у д о ж н и к. Не знаю, как-то не приходило в голову. Я люблю этот дом. В нем искони жили художники. Здесь бывали Некрасов и Достоевский. Жил целую зиму Крамской. Уже в мое время захаживал Репин, бывал наездами Алексей Максимович, читал Блок. На этом рояле проигрывал отрывки из "Прометея" Скрябин...

Т у л я к о в (с уважением). Этакая сила! Граница! Полегче там, это вам не заклепки ставить.

Стук в дверь.

Х у д о ж н и к. Пожалуйста.

Н и к о л а й Э р а с т о в и ч (с порога). Можно? Иван Константинович, я на одну минутку. (Вошел.) Добрый вечер. Простите, я не знал. Тогда, может быть, в другой раз?..

Ю л и я А н т о н о в н а. Это он меня испугался. Идите уж, не трону!

Н и к о л а й Э р а с т о в и ч. Заходите, Мариша.

Вошла здоровенная молодая женщина, в полушубке и высоких сапогах.

Иван Константинович, я прошу вас подтвердить... Мне бы не хотелось, чтобы у товарищей, которые меня не знают, создалось впечатление, что я в какой-то мере лично заинтересован...

Ю л и я А н т о н о в н а. Ладно, ладно. Работать надо, голубчик, тогда не будет впечатления.

Н и к о л а й Э р а с т о в и ч (вынимая записную книжку). Если вы припомните, Иван Константинович, Маришей - я имею в виду даму, которая стоит перед вами, - было, через мое посредство, передано вам разновременно около четырех килограммов хлеба...

Х у д о ж н и к. Да-да, конечно. Отлично. Я готов. Пожалуйста, смотрите...

М а р и ш а (сурово). Эти? Посветить-то нечем?

Художник освещает картины.

Что-то больно нехороши? Улицы да вода, будто одной серой

краской малевано. Скукота! Я тут от одной инженерши обстановку взяла: спальня лаковая, покой с балдахином - персиковый шелк. А эти мне не в масть. Цветы бы я взяла. Маки или сирень. А то еще фрукты в вазоне и птица битая висит - я в комиссионке видела. Нет таких?

Художник. Нет.

Мариша. Вон тот, черный, кто?

Художник. Это эскиз к "Николаю Мирликийскому". Голова палача.

Мариша. Здоровущий. Беру. Много ли просишь?

Вошли, постучавшись, Горбунов и Ждановский; на ходу сбрасывая регланы, устремились к огню.

Художник. Видите ли, эту картину мне бы не хотелось отдавать.

Юлия Антоновна. Глупости! Конечно, не отдавайте.

Художник. Это подарок Ильи Ефимовича Репина, и у нас в семье с ней связано много воспоминаний.

Мариша. Цену набиваешь? Ладно, говори свою цену. Я девица широкая - долго не торгуюсь.

Художник. Николай Эрастович, я в затруднении. Насколько я вас понимал, речь шла о каком-нибудь из моих этюдов...

Мариша. Вот на! А это нешто краденая?

Художник. Вы меня, видимо, не поняли. Моих, то есть...

Николай Эрастович. Мариша, Иван Константинович художник. Знаменитый художник.

Мариша. Толкуй. Мне оценщик в скупке объяснял: настоящий художник, который знаменитый, так его уже лет двести как след простыл. Такой стоит цены. Еще не помер, а уж знаменитый! За дуру считаешь?

Художник. Николай Эрастович, я не совсем понимаю, что она от меня хочет, эта женщина?

Мариша. Ладно, не обижайся. (Остановилась перед одной из картин.) Твоя?

Художник. Да. "Туман на Неве".

Юлия Антоновна. И вы продадите ее этой бабе? Делайте, как знаете. В конце концов, это не мое дело.

Мариша. Раскудахталась! Сама не возьму. На кой мне этот туман сырость разводить? Того, черного, хоть сейчас беру. Понравился.

Художник. Что же вы мне за него дадите?

Мариша. Сколько ты у меня буханок перебрал? Три? Чтоб недолго толковать, - еще две набавлю и квит. По рукам?

Художник. Как? И это все? Послушайте, это даже забавно.

М а р и ш а. Ишь ты, дьявол! Забавно ему. Хлеб ему дешев стал. Хлеба не хочет! Вот погодите, посадят вас всех на осьмушку в день, не то запоете.

Г о р б у н о в (встал). Вы что, с ума сошли? На кого вы кричите?

М а р и ш а. А ты кто таков?

Г о р б у н о в. А вы не видите? Кто вы такая? Откуда у вас хлеб?

М а р и ш а. А тебе что, завидно?

Г о р б у н о в. Откуда у вас хлеб? Ни у одного человека в городе не может быть столько хлеба, если он не крадет.

М а р и ш а. Но-но, не пугай! Пуганая. (Николаю Эрастовичу.) Куда ты меня заманил? (Озирается.) А ну вас... Отдайте мне мое, я уйду.

Х у д о ж н и к. Да, но как же я отдам? (Выбрасывает из секретера деньги.) Вот, возьмите. Здесь, кажется, около двух тысяч. Если этого не хватит...

Мариша протягивает руку к деньгам.

С о л о в ц о в. Не торопись, тетка. Деньги счет любят. Разрешите, товарищ командир? Мы с ней поладим. (Наложил руку на деньги.) За сколько тебе, говоришь? За четыре кило? Значит, по восемь гривен... три двадцать. (Отсчитал и положил на край стола.) В расчете. Бери.

М а р и ш а. Ты что, окосел?

С о л о в ц о в. Говорю, бери.

М а р и ш а. Да я лучше... Подавись ты ими!

С о л о в ц о в. Матросом черт подавился. Бери, тетка. Пока не поздно.

Ю л и я А н т о н о в н а. Молодец!

Г о р б у н о в (переглянулся со Ждановским). Как?

Ж д а н о в с к и й. Эге!

Г о р б у н о в. Вот я тоже так думаю. Соловцов!

М а р и ш а (взяла деньги и метнулась к выходу). А ну вас всех к дьяволу!..

С о л о в ц о в. Отставить, тетка. Никак опоздала. Есть, Соловцов!

Г о р б у н о в. Проводите гражданку к дежурному. Ясно?

С о л о в ц о в. Ясно.

Г о р б у н о в. Вот так действуйте.

С о л о в ц о в. Есть. Туляков, дай-ка пушку. Шагай, тетка.

Выходит, пропустив вперед Маришу. Пауза. Николай Эрастович деланно захихикал, но, видя, что никто не поддерживает, смутился и умолк.

Г о р б у н о в (художнику). Прошу прощения за

самоуправство.

Ю л и я А н т о н о в н а. Глупости. Вы прекрасно поступили.

Г о р б у н о в. Понимаете, если б эта тетка унесла вашу картину черт! - тогда, значит, вы не художник, а я не командир.

Молчание.

Вы сердитесь?

Х у д о ж н и к. Сержусь? Нет, конечно. Напротив. Не скрою, я несколько аффрапирован... Должен сознаться, что я уже почти решил отдать картину. Видите ли, скоро должна прийти моя дочь...

Г о р б у н о в. Ясно. А у нас сегодня корабельная годовщина. Короче говоря, вы окажете нам честь, разделив с нами наш скромный ужин.

Н и к о л а й Э р а с т о в и ч. Блестяще! Вот это великодушно!

Г о р б у н о в. Решено?

Х у д о ж н и к. Нет-нет. Я вам бесконечно благодарен, но - нет. Я совсем не в том смысле... Ах ты, боже мой! Жалею, что начал этот разговор.

Г о р б у н о в. Повторяю, кают-компания нашего корабля просит вас и вашу дочь оказать нам честь - как это говорится? - своим присутствием на нашем скромном торжестве. (Юлии Антоновне.) Вас тоже покорнейше прошу.

Х у д о ж н и к. Но...

Г о р б у н о в. Мы приняли ваше гостеприимство. Почему вы пренебрегаете нашим?

Х у д о ж н и к. Но...

Г о р б у н о в. Может быть, вас почему-нибудь не устраивает наше общество? Тогда, будьте добры, объяснитесь.

Х у д о ж н и к. Ну, а это уже совсем... так нельзя. Как вам это могло прийти в голову? Напротив, я очень рад...

Г о р б у н о в. Ясно. Совершенно удовлетворен вашим объяснением. Теперь технический вопрос: у вас есть тарелки?

Х у д о ж н и к. Тарелки? Простите, о каких тарелках вы говорите?

Г о р б у н о в. О мелких. Есть?

Х у д о ж н и к. Да, конечно.

Ю л и я А н т о н о в н а. А у вас нет? Как же вы живете без тарелок?

Г о р б у н о в. Видите ли, от глубинных бомб очень портится посуда.

Ю л и я А н т о н о в н а (разглядывая стопку тарелок). Это всё? А рюмки?

Г о р б у н о в. Ну вот, рюмки! Есть стаканы.

Ю л и я А н т о н о в н а. И вы предполагаете, что я сяду за стол, где водку хлещут из стаканов? Нет, это все никуда не годится. Пусть кто-нибудь пойдет со мной за посудой, и я организую вам стол так, чтоб это было хоть на что-то похоже.

Г о р б у н о в. Леша!

Г р а н и ц а. Есть.

Г о р б у н о в. В распоряжение Юлии Антоновны. (Вернувшемуся Соловцову.) В распоряжение Юлии Антоновны.

С о л о в ц о в. Есть.

Ю л и я А н т о н о в н а. Пойдемте. (Николаю Эрастовичу.) Пойдемте, голубчик, я вам по дороге кое-что объясню.

Уходят.

Г о р б у н о в (вскочил). Ладно. Праздновать так праздновать. Все побоку. Туляков, кончайте вашу музыку. Свет будет?

Т у л я к о в. Все будет нормально, товарищ командир.

Г о р б у н о в. Механик, у вас с собой тужурка? Надеваем крахмальные воротнички и галстуки. Полный парад. Куда вы, Иван Константинович?

Х у д о ж н и к. Не могу же я один оставаться в таком виде. Через пять минут я буду готов. (Уходит.)

Г о р б у н о в (сбрасывает китель). Праздник так праздник. Наперекор стихиям. Сегодня должно быть весело. Хочу, чтоб было светло, музыки хочу. Танцевать буду, черт возьми!

Ж д а н о в с к и й. Авария! Петля лопнула. И запонку потерял.

Стук в дверь.

Да!

К а т я. Папа, отопри. (Открыла дверь. Она в платке и в валенках, замерзшая, но веселая, смеющаяся.) Боже мой, камин! (Отступая.) Простите, я не знала...

Г о р б у н о в. Вы нас простите...

К а т я. Вы, наверное, к папе?

Г о р б у н о в. Иван Константинович пригласил нас к себе жить.

К а т я. Не может быть!

Ж д а н о в с к и й. Вы не верите?

К а т я. Я очень рада. Но это невероятно: папа пригласил! Вы с ним давно знакомы?

Г о р б у н о в. С самого утра.

К а т я. По нынешним временам порядочно. Давайте знакомиться. Катерина. (Развязывает платок.) Ивановна, как вы догадываетесь. Первое время, пока я не разберусь, что вы за люди, вам придется звать меня по имени-отчеству. А вас я знаю - вы с нашей лодки. Как вас зовут?

Г о р б у н о в. Капитан-лейтенант Горбунов.

К а т я. Этого я не понимаю.

Г о р б у н о в. Виктор Иванович.

К а т я. Вот. (Ждановскому.) А вас?

Ж д а н о в с к и й. Федор Михайлович.

Т у л я к о в. Главный старшина Туляков. Лаврентий Ефимович.

К а т я. Вы хотите починить наш рояль? Нет, серьезно? Господи, какое счастье! Неужели это возможно?

Т у л я к о в (собирая инструменты). Невозможного, Катерина Ивановна, нет ничего на свете. Пожалуйста. Может, сыграете что?

К а т я (подсела к роялю, берет несколько аккордов). Нет, не могу. Замерзла как собачонка. Потом. А "ля" второй октавы? (Пробует.) Звучит! Даже не верится.

Г о р б у н о в. Идите сюда, к огню.

К а т я. С удовольствием. Ой, кто тут на тахте? Это человек?

Г о р б у н о в. Не будите его. Пусть спит, сколько может.

К а т я. Да, но ваш друг может загореться. (Раздевается, греет руки.) На улице черным-черно и такие сугробы... Я, кажется, набрала снега в валенки. Что вы на меня так смотрите?

Г о р б у н о в. Не могу вспомнить. Мне кажется, что мы с вами когда-то были знакомы.

К а т я. Нет, не были. Слушайте, это нехорошо - так пристают на улицах: "Скажите, где мы могли с вами встречаться?" Сейчас на дворе встретила каких-то моряков - они приехали на мотоцикле, - и один из них решил со мной познакомиться... А где папа?

Г о р б у н о в. Иван Константинович сейчас выйдет. Он переодевается.

Туляков вышел.

К а т я (Ждановскому). Не мучайтесь, дайте я вам зашью петлю. (Горбунову.) А ваши краснофлотцы - они тоже будут жить в нашем доме? Подумать только, что когда-то можно было топить камин каждый день. Скажите, вам очень надоела война?

Ж д а н о в с к и й. Война не дождик.

К а т я. Вы так говорите - можно подумать, что все это вам очень нравится.

Г о р б у н о в. Нравится - не то слово. Я люблю воевать.

К а т я. Послушайте, вы шутите?

Г о р б у н о в. Почему? Воевать - моя профессия.

К а т я. Не знаю. Война грязна и бесчеловечна. Я понимаю, когда на страну нападает враг, - каждый становится солдатом. Иначе не может быть. Но делать из этого профессию... Простите меня, мне кажется, что в мирное время военную профессию избирают чаще всего люди, которые не сумели найти себя ни в

какой другой области. (Пауза.) Я сказала глупость?

Г о р б у н о в. Объясните мне, откуда у вас этакое странное высокомерие? Ведь если, скажем, выяснится, что я никогда не слыхал про Мадонну Рафаэля или кто-нибудь из нас, грешных, вылезет со своим корявым суждением о симфониях Шостаковича, - вы нас подымете на смех. А сами вы запросто беретесь судить о предметах не менее важных, хотя не имеете о них никакого понятия. (Пауза.) Грубо?

К а т я. Грубовато. Но довольно справедливо, так что стоит терпеть.

Г о р б у н о в. Человек, спящий на тахте, - инженер. Он всю жизнь строил корабли, и вы склонны считать это настоящим делом. А вот этот неразговорчивый товарищ всю жизнь плавает на этих кораблях. Он тоже инженер высокой квалификации. Но, кроме того, он носит золотые нашивки, а это значит, что он обязан - обязан, понимаете? - быть честным и храбрым. Это входит в его ремесло. Куда, Федор Михайлович?

Ж д а н о в с к и й. Ничего, ничего, я здесь.

Г о р б у н о в. Тем, кто в юности не мечтал о подвигах, в нашей профессии нечего делать. Она требует знаний, воли, упорного труда. Вот если командир растерял свои юношеские мечты, если он забыл, что рано или поздно придет время, когда от него потребуется сполна заплатить по этому векселю (показывает на свои нашивки), тогда я с вами согласен. Если командир стал смотреть на свой корабль, как на департамент, где ему платят жалованье, если он угасил свою мечту, творческую мысль, жажду подвига, тогда он пустоцвет. Хуже, он - самозванец, обманщик.

К а т я (задумчиво). Профессия, обязывающая к мужеству. Это хорошо. Скажите, а вы очень храбрый?

Г о р б у н о в (улыбнулся). Я? Нет, не очень. Нормально, как говорит Туляков. Есть люди куда смелее.

Ж д а н о в с к и й. Кто?

Г о р б у н о в. Кто? Хотя бы Борис Петрович. (Кате.) Бывший командир нашей лодки. По-моему, он даже не понимает, что такое страх.

К а т я. Мне нравятся такие люди. А вы знаете, что такое страх?

Г о р б у н о в. Знаю. Как большинство простых смертных. Но я знаю и другое. Когда придет время держать экзамен на мужество, то во мне найдется нечто такое, что поможет стать выше инстинкта.

К а т я. Что же это такое?

Г о р б у н о в. Не берусь определить. Вероятно, то самое

чувство, которое заставляет умирающих ленинградцев смеяться над немецкими листовками. То самое, что не позволяет голодному бойцу украсть у товарища. То самое, почему женщина не продается. Оно может проявляться в великих подвигах и в любой мелочи. Назовите его как хотите. Но либо оно есть, либо его нет.

К а т я (тихо). Понимаю. (Вскочив.) Но, однако, что же папа? (Толкнула дверь - она заперта.)

Ю л и я А н т о н о в н а (оттуда). Нельзя.

К а т я. Это я, Юлия Антоновна.

Ю л и я А н т о н о в н а. Вот тебе-то и нельзя.

К а т я. Что такое?

Постучали. Голос: "Можно?"

Да, конечно. Здравствуй, Тамара.

Т а м а р а (она в штанах, на плечи накинута шинель). Катька, идем, быстро.

К а т я. Куда?

Т а м а р а. Сейчас ввалился ко мне Семка Селянин и с ним еще какой-то моряк. Интересный. Литр вина и много харча. Собирайся, живо!

К а т я. Ты с ума сошла, Тамара! Зачем я туда пойду? Я неделю дома не была. И потом я их совсем не знаю.

Т а м а р а. Подумаешь! Семка жаждет с тобой познакомиться.

К а т я. Почему именно со мной? Я этого человека в глаза не видела.

Т а м а р а. А он тебя видел. Даже говорил с тобой.

К а т я. Тамара, ну на что это похоже? Теперь я понимаю. По-твоему, я должна идти и пить с человеком, который приставал ко мне на улице?

Т а м а р а. Ну, как хочешь. Извини. Навязываться не собираюсь. Впрочем, я вижу, ты тут не скучаешь. (Вызывающе оглядывает Горбунова.)

К а т я (встала). Тамарка, уходи! Это невыносимо...

Т а м а р а. Уйду, не волнуйся. Только напрасно ты строишь из себя гордячку. Я не хуже тебя. Вот Николай тоже кричит, что я ему не жена, у меня - притон. Всем жильцам раззвонил, что мы разошлись. А сам лезет в компанию, жрет и пьет. Я хоть не вру. Прямо говорю - хочу жить. И наплевать мне... (Вышла, хлопнув дверью.)

К а т я. Тамара! (Опустилась на стул у рояля и положила голову на руки.)

Г о р б у н о в. Кто это?

К а т я. Подруга. (Встала.) Не понимаю, что там происходит. (Стучит в дверь.) Папа, я обижена.

Х у д о ж н и к (оттуда). Сейчас, Катюша.

К а т я. Я ухожу.

Х у д о ж н и к (вышел; он в смокинге). Катюша! Здравствуй, дружок. (Целует ее.)

К а т я. Спасибо. Какой ты нарядный, папа! И почему у тебя такой лукавый вид?

Х у д о ж н и к. Извини, Катюша. Виктор Иванович, вы готовы? Катюша, ты помнишь марш из "Синей птицы"? Трам-та-рам-там-там...

К а т я. Конечно. (Играет.)

Распахнулись двери. Появляется Юлия Антоновна с "летучей мышью" в руках. За ней шествуют Соловцов и Граница. Они вносят стол. Камин бросает блики на грани хрусталя. Наконец вспыхивает яркий свет от аккумулятора. Его встречают аплодисментами.

С т р о и т е л ь (вскочил). Полундра! (Озирается.) Витька, ты? Я сплю?

Смех.

К а т я. Я не могу больше играть. Объясните же мне наконец... Это похоже на "Синюю птицу". А Юлия Антоновна на фею Берилюну.

Ю л и я А н т о н о в н а (Горбунову). Дайте я вас обниму, дружок. Мой покойный муж отдал морю всю свою жизнь и вырастил сотни таких, как вы, так что я вправе обращаться с вами, как с сыном. (Обнимает его. Ждановскому.) И вам тоже желаю счастья. За сегодняшний день я так привыкла к вам, точно знала обоих с детства, и горжусь вами так, как будто по крайней мере сама вас родила. Собиралась сказать что-то очень умное, но забыла. Все равно. Катюшка, иди сюда, я тебя тоже поцелую.

Г о р б у н о в. Спасибо. Спасибо. Кудиныч, вылезай... Знакомься. Где же штурман?

Туровцев, очень веселый, появляется в дверях. За ним - мрачный фельдшер.

Т у р о в ц е в. Есть, штурман. (Хватается за голову.) Доктор, держи меня - я падаю в обморок. Прошу прощения, товарищ командир. Разрешите?

Г о р б у н о в. Проверьте ваш хронометр, штурман.

Т у р о в ц е в. А что, товарищ командир?

Г о р б у н о в. Опаздываете.

С т р о и т е л ь. Митрий, ты когда серьезным человеком станешь?

Т у р о в ц е в. Никогда. Ты что смеешься, Соловцов?

С о л о в ц о в. Ничего, товарищ лейтенант. Просто так. Хорошо.

Ж д а н о в с к и й. Что - "хорошо"?

С о л о в ц о в. Не знаю. Только чудно. Мотался, мотался... И вдруг дома. (Горбунову.) Так разрешите идти? (Уходит.)

Г о р б у н о в. Помощник, приглашайте к столу. Доктор! На минутку.

Пока все рассаживаются, "доктор" шепотом что-то сообщил Горбунову. Оба взволнованы. Горбунов жестом приказывает молчать. Затем они занимают свои места.

Ю л и я А н т о н о в н а. Мужчины, наливайте водку.

Т у р о в ц е в. Есть. (Художнику.) Разрешите?

Х у д о ж н и к. Нет-нет, благодарю. Я не пью водки.

Ю л и я А н т о н о в н а. Ему нельзя.

Т у р о в ц е в. А это мы сейчас узнаем. Доктор, можно?

Д о к т о р. Можно.

Т у р о в ц е в. Вот видите. (Кате.) А вам?

К а т я. Пожалуйста. Только я буду пьяная. Не боитесь? Напьюсь и начну куролесить.

Х у д о ж н и к. Катюша!

К а т я. Папа, не смотри на меня так строго, а то я не выдержу. (Хохочет.)

Ю л и я А н т о н о в н а (смеясь). Ну что ты, дуреха?

К а т я. Юлия Антоновна, миленькая, не сердитесь. Я еще не пила ничего, а мне уже весело. Я вот сейчас, сию минуту, почувствовала: нам еще будет хорошо. Будет еще голодно, холодно, будут рваться бомбы и снаряды, но я знаю - фашисты не войдут. Никогда. Вот я это знаю, поверьте мне! И знаю, что мы победим, и вот тогда, как после грозы, мы вздохнем полной грудью и наступит необычайная, ослепительная жизнь. Может быть, она и не сразу наступит, но мы будем так жадно к ней тянуться, так ценить каждую маленькую радость... И мне уже сейчас хочется смеяться. (Ждановскому.) А вы разве никогда не улыбаетесь?

Ж д а н о в с к и й (медленно улыбнулся). Нет, почему? Бывает.

Д о к т о р. По большим праздникам.

Т у р о в ц е в. И о каждом случае заносится в вахтенный журнал.

К а т я. Ну и что же - сегодня праздник. Вот и извольте улыбаться, вам очень идет. (Горбунову.) А вы почему молчите?

Х у д о ж н и к. Ты не даешь никому слова сказать.

К а т я. Нет, серьезно. О чем вы думаете?

Г о р б у н о в. Так. Ни о чем. (Быстро встает.)

Т у р о в ц е в. Внимание! Командир говорит.

Г о р б у н о в. У всех налито? Выпьем. Давайте без парадных

тостов. Выпьем просто - за боевую дружбу. Не за ту дружбу, что держится на лести и взаимных амнистиях. Грош ей цена. Настоящая дружба требовательна. Кто, как не друг, скажет тебе в глаза жестокую правду? Так вот я спрашиваю вас, командиры-подводники, спрашиваю самого себя, вот здесь, в присутствии людей, перед которыми мы в долгу, - как мы воевали? (Молчание.) Плохо. Неужто так силен в нас дух самодовольства, что мы этого не видим? За всю осень грохнули дрянную немецкую коробку, которая вся-то не стоит торпедного залпа. Плохо воевали. А мы должны воевать хорошо. Иначе нас побьют. А я не хочу, чтоб меня били. Это оскорбляет мою гордость русского моряка, советского офицера. Мы должны воевать превосходно. Мы можем так воевать. Можем и будем! (Стукнул кулаком по столу, посуда зазвенела.)

Ю л и я А н т о н о в н а. Тише вы, сумасшедший...

Г о р б у н о в (спокойнее). Весной мы пойдем в море. Я не обольщаюсь, будет трудно, еще трудней, чем было осенью. Мы воюем с умным и сильным врагом. Не знаю, кому нужно изображать его придурковатым и жалким. Я в этом не нуждаюсь. Я твердо знаю, что враг сделает все, чтоб запереть нас в заливе. На нашем пути будут мины и сети, катера и самолеты. Но мы пройдем. Впереди зима. Будем готовиться. Будем учиться. Я обещаю вам нелегкую жизнь. Буду жать и требовать. И у вас будет образцовый порядок, штурман. Пусть все знают: я не помирюсь на малом. Мы должны стать гвардией, лучшими из лучших. И пока этого не будет, я всегда буду недоволен. Тот, кто помогает мне, друг. Мешает - враг. Вот так. Ясно? Выпьем.

С т р о и т е л ь. Крепко сказано.

Чокаются, пьют.

К а т я. Папа, почему ты грустный?

Х у д о ж н и к. Нет-нет, мне очень хорошо. Мне стало грустно только на секунду. Я подумал: неужели нужна была война, чтоб в эти стены проникла настоящая, живая жизнь?

К а т я. Я не хочу больше пить. (Вскочила из-за стола.) Я хочу петь. (Присела у рояля; вступительные аккорды.)

"Где бы ты ни был, моряк, в этот час,
Знай - тебя ожидает подруга, дыханья верней.
С моря не сводит влюбленных, тоскующих глаз,
Радуясь волнам и солнцу - помни о ней!
Где бы ты ни был, моряк, в этот час,
Знай - тебя ожидают друзья боевые твои,
Ловят молву о тебе, как мужчины мужчиной гордясь.
Гибели глядя в глаза - помни о них!
Где бы ты ни был, моряк, в этот час,

Знай - на земле и друзья, и подруга, и дом.
Милый отеческий край, где весна пролетает сейчас.
Каждым биением сердца - помни о нем"*.

_____

* Слова Ольги Бергольц.

Ждановский встал и отошел к окну.

Г о р б у н о в (двинулся за ним). Ты что, Федя?

Ж д а н о в с к и й. Ничего. Не обращай внимания.

Т у л я к о в (просунул голову в дверь). Разрешите? Товарищ капитан-лейтенант, прибыл командир дивизиона.

К о н д р а т ь е в. Куда? Сюда, что ли? (Появился. Он высокий, размашистый в движениях, не старше тридцати пяти лет.) Сидите, сидите. Здорово, орлы! Вот вы где окопались? Пьянствуете? Здравствуй, командир. Богато живешь. (Кате.) Прошу прощенья. Кондратьев.

К а т я (вызывающе). Скажите, где мы могли с вами встречаться?

К о н д р а т ь е в. Ах, это вы? Еще раз - извините великодушно. Ну что мне с ним было делать? Пьяный дурак.

К а т я. Зачем вы так говорите? Он ваш приятель!

К о н д р а т ь е в. Какой там к бесу приятель! (Здоровается с Юлией Антоновной и художником.) Кондратьев. (Строителю.) А, старый воробей! Прыгаешь?

Г о р б у н о в. Это кто же пьяный дурак?

К о н д р а т ь е в. Селянин. Подвез меня сюда на мотоцикле. Не знаешь Селянина? Он что-то там по технической части. Дрянь мужик. Но - полезный. Это из таких - все может. Поехал я с ним и сам не рад. Пьяный, а лезет править. Потом затащил меня к какой-то своей мадаме...

К а т я. Поосторожней. Это моя подруга.

К о н д р а т ь е в. Опять не слава богу! Девушка, не сердитесь на меня. Я человек простой, грубый...

Х у д о ж н и к. Ну что ты, дружок, в самом деле? К нам пришел гость, а ты - сразу в штыки.

К а т я. А пусть он не говорит... Ну, хорошо - мир. (Протягивает руку.) Как вас зовут?

К о н д р а т ь е в. Борис Петрович.

К а т я. Борис Петрович? Тогда я вас знаю. Вы очень храбрый.

К о н д р а т ь е в. Кто же это вам сказал? Да, говорят - не трус. Других талантов не водится; ну уж, а это как-нибудь... (Туровцеву.) Что смотришь, лейтенант? Нет того, чтобы сказать: "Что вы, товарищ капитан третьего ранга... Вы, так сказать, у нас во всех отношениях вполне, и так далее..." Службы не знаешь. (Горбунову.) Так по какому же случаю?

Г о р б у н о в. Корабельный праздник.

К о н д р а т ь е в. А ведь забыл. Забыл! Вот глупость какая! Дела! Вам хорошо: знаете свою лодку и больше никаких хлопот. А я за всех отвечай. Ну, поздравляю. Так что же, чокнемся? (Заглядывает в графин.)

Т у р о в ц е в. Опоздали, товарищ капитан третьего ранга.

К о н д р а т ь е в. Начальство никогда не опаздывает, запомни. Оно задерживается. Понимать надо. Давай водки, командир. Хотя я тебя знаю, ты жила, от тебя сверх положенного... (Махнул рукой.)

Стук в дверь.

Г о р б у н о в. Да!

Х а л е ц к и й (в праздничном настроении). Разрешите?

За ним - Туляков и Джулая.

(Увидев комдива, вытянулся.) Товарищ капитан третьего ранга, разрешите обратиться к командиру корабля.

К о н д р а т ь е в. Ну-ну, обращайтесь.

Х а л е ц к и й. Товарищ капитан-лейтенант, от лица команды...

Г о р б у н о в. Отчего вы такой красный, боцман?

Х а л е ц к и й (укоризненно). Товарищ капитан-лейтенант! Выходите хоть сейчас в торпедную атаку - буду вам держать заданную глубину... как по ниточке. Конечно, не будем отрицать, есть такие непьющие бойцы, что имеют уважение к боцману. Так они понимают, что потомственному одесскому грузчику те сто грамм все одно что слону дробина...

Г о р б у н о в. Ясно (Смеется.) Слушаю вас.

Х а л е ц к и й. Команда просит вас и всех товарищей командиров в кубрик. Будут выступления талантов и разное.

К о н д р а т ь е в. Вот орлы! Не унывают. А танцы будут?

Х а л е ц к и й. Команда имеет большое желание. Команда не имеет с кем танцевать.

Д ж у л а я. Можно танцы. (Кате.) Пожалуйста! Хоруми знаете?

К а т я. Хоруми?

Д ж у л а я. Наш танец. Одни мужчины танцуют. Воины. (Обнимает Тулякова и Халецкого за плечи и пританцовывает.) Неужели не знаете?

К а т я. Постойте. Я, кажется, видела в Мариинке. Так? (Наигрывает.)

Железный ритм военного танца.

Д ж у л а я. Замечательно!

Г о р б у н о в. Пошли, товарищи?

Вся компания поднялась с мест.

Г о л о с а. Иван Константинович, наденьте шарф. Слышите?

- Граница, держи меня крепче, а то я вовсе без ноги останусь.

- У кого есть "пигмей"? На лестнице темнотища...

Все выходят.

К о н д р а т ь е в (задержал у двери Горбунова). Постой. Потолкуем.

Они вернулись.

Как минер?

Г о р б у н о в. Полчаса назад. Не приходя в сознание.

К о н д р а т ь е в. Жалко. Хороший был парень. Еще никто не знает?

Пауза.

Что не заходишь?

Г о р б у н о в. Вы меня не вызывали, товарищ капитан третьего ранга.

К о н д р а т ь е в. Это еще что такое? Брось! Я по-дружески спрашиваю. Садись, чего стоим. Ты что - сердишься?

Г о р б у н о в. Нет.

К о н д р а т ь е в. Ну, так в чем же дело?

Г о р б у н о в. Не знаю. С тех пор как ты стал большим начальством, в нашей дружбе что-то поломалось. То, да не то.

К о н д р а т ь е в. Все это муть. Мнительность. Ты знаешь, как я к тебе расположен.

Г о р б у н о в. Вот-вот, "расположен". Ты теперь совсем иначе со мной говоришь. Не замечаешь? Очень этак благосклонно-покровительственно. А я не хочу. Разве я за эти два месяца стал глупее? А если ты боишься, что я сяду тебе на шею или позволю себе афишировать...

К о н д р а т ь е в. Ничего я не боюсь. Насчет службы и всякой субординации вы - педант, это нам известно. Выдумываешь ты все, Виктор. Не люблю я этих всяких сложностей. Я - человек простой, бесхитростный...

Г о р б у н о в. Не так-то уж ты прост. Становишься помаленьку дипломатом. Помнишь, тебе прислали с Большой земли бутылку трофейного коньяку? Как душу изливать, так Горбунову, а как коньяк пить, так с начальником штаба? Я коньяк терпеть не могу, не в коньяке суть. Так вот, если хочешь со мной дружить по дешевке - не надо!

К о н д р а т ь е в (засмеялся). А ведь верно. Даже ничего не скажешь. Как-то так получилось... Ладно! У меня на тебя тоже зуб есть. Ты что же это наш поход охаиваешь? И то не так, и это не так... Меня как командира дискредитируешь.

Г о р б у н о в. Я не дискредитирую, а изучаю боевой опыт. Критиковал я прежде всего себя.

К о н д р а т ь е в. С чем же ты теперь не согласен?

Г о р б у н о в. Со многим. Странное дело: шли в поход - немцев не боялись, мин не боялись, бомб не боялись. Чего боялись? Отчетности. Вынь да положь боевой успех. А то вдруг нам не поверят, еще скажут, что трусили, уклонялись от атак. Вот и кинулись на эту ветхую посудину - истратили торпеды. А выжди мы, голову даю на отсечение, трахнули бы на другой день тот танкер... тысяч на десять, помнишь, на траверзе Фрисланда?

К о н д р а т ь е в. Если бы да кабы... А я считаю, мы были обязаны атаковать.

Г о р б у н о в. Обязаны? Хорошо. А пушка на что? Корабль явно шел без охранения. Всплывай и бей.

К о н д р а т ь е в. Что ж ты сейчас такой умный? Почему тогда не предложил?

Г о р б у н о в. Вот я за это себя и ругаю.

К о н д р а т ь е в. Ну-ну, не дури. Дело такого рода. Командование, кажется, за этот поход собирается кой-кого представить. Есть такой слух. Тебя, меня, механика, из старшин кого-нибудь...

Г о р б у н о в. Механика можно. Тулякова, Границу и боцмана обязательно. А нас с тобой не за что.

К о н д р а т ь е в. Ну, этого мы обсуждать не можем. Ордена дает правительство - ему виднее. Эх, не люблю, когда ханжат. Тебя это не интересует? Рассказывай тем, кто тебя не знает. Сам честолюбив, как дьявол.

Г о р б у н о в. А я не говорю, что не честолюбив. Только откуда ты знаешь - может, я большего хочу?

К о н д р а т ь е в. Трудный ты человек. Словно ерш колючий. И вечно у тебя заскоки. Ведь это я тебя защищаю, а то ведь на вашу милость многие зубы точат. С дивизионными спецами ругаешься, изо всякой мелочи принцип строишь, рапорта пишешь... Дался тебе этот шофер селянинский...

Г о р б у н о в. Не знаешь, наложил на него этот твой Селянин взыскание?

К о н д р а т ь е в. Не знаю. Непохоже. (Махнул рукой.) Как же, жди! Так он тебе его и посадил. А возить его кто будет? Бензин доставать? Нет, ты прав, конечно, я не к тому, чтобы спорить... Только охота тебе из-за мелочей...

Г о р б у н о в. Это не мелочь. Из-за мелочей, бывает, корабли тонут.

К о н д р а т ь е в. Учти, взысканий у тебя много на лодке. Вот мне дали сведения: за одну неделю - двадцать процентов.

Г о р б у н о в. Зарежьте меня - не понимаю. На всей лодке полтора десятка человек, а у меня проценты подсчитывают. Не

двадцать процентов, а три матроса. С фамилиями, с ногами, с ушами... Надо было дать, я и дал. Выходит, недооценка воспитательных методов. А на будущей неделе у меня окажется ноль процентов, тогда, значит, я либерал?.. Что смеешься?

К о н д р а т ь е в. Чую, что пятьдесят процентов из присутствующих здесь обязательно наживут себе хлопот. И единственно по причине длинного языка. (Захохотал.)

Горбунов тоже засмеялся.

Да! Что за разговоры ты ведешь в кают-компании?

Г о р б у н о в. А что?

К о н д р а т ь е в. С очень, знаешь, таким нехорошим душком. Насчет офицерской чести, всяких там гвардейских традиций. И именно в таком положительном духе, даже восторгаешься. Факт?

Г о р б у н о в. Факт.

К о н д р а т ь е в. И бывают с твоей стороны высказывания, как бы тебе сказать... Ну, да я человек такой - прямо скажу - пораженческого порядка.

Г о р б у н о в. Даже так?

К о н д р а т ь е в. То-то и есть. Запугиваешь командный состав, рисуешь им всякие страхи. Чепуха все это! Красная Армия наступает, к весне расчистим берега, вытралим залив и пойдем Таллин брать.

Г о р б у н о в. Возьмем ли, нет ли, а подводный флот будет летом воевать. И я готовлю лодку, чтоб она могла воевать в любых условиях. Запугиваю командный состав! Тоже - маленькие дети! Да если у меня кто-нибудь от одних слов запугается, я его с лодки погоню. Что он в походе делать будет? Это всё?

К о н д р а т ь е в. Мало?

Г о р б у н о в. Порядочно. Кто это тебе все наговорил?

К о н д р а т ь е в. Неважно кто. Говорили люди.

Г о р б у н о в. И ты не выгнал к черту этого человека?

К о н д р а т ь е в. Постой, какого человека? И почему я должен его выгонять?

Г о р б у н о в. Обязан был выгнать. Человек ест со мной за одним столом, и у него не хватает мужества сказать мне в глаза, что я говорю вредные вещи. Спорить со мной, если я ошибаюсь. Это офицер? Обязан был выгнать.

К о н д р а т ь е в. Ну вот что - ты меня не учи! Лишнего на себя не бери. Как-нибудь я не хуже твоего знаю, что я обязан, чего не обязан.

Г о р б у н о в (встал). Слушаю, товарищ капитан третьего ранга.

К о н д р а т ь е в. Ну вот - готово! Шерсть дыбом.

Г о р б у н о в. Дружба дружбой, а служба службой.

Начальник мне сделал замечание. Разрешите узнать, какие будут указания?

К о н д р а т ь е в. Указания вот какие: лодку будем консервировать.

Г о р б у н о в (изменился в лице). Не понимаю.

К о н д р а т ь е в. Нечего понимать. Лодка повреждена, требуется сложный ремонт. На завод не надейся: завод сейчас ничего не может. Оставим на лодке самую малость народу, остальных распишем. Пушку и исправные приборы у тебя возьмем - облегчится ремонт на других лодках. На мой взгляд, тебе тут тоже делать нечего. Впрочем, это еще не решено. Ваше мнение?

Г о р б у н о в. У меня двух мнений быть не может. Это мой корабль. Я командир, я присягал. Пока корабль на плаву и хоть одна палка торчит над водой, я держу мой флаг.

К о н д р а т ь е в. Любите вы красиво выражаться. Ну, а если ближе к делу?

Г о р б у н о в. Морской устав гласит, что на всякое предложение о сдаче я обязан ответить отказом.

К о н д р а т ь е в. О какой сдаче? Что вы мне, ей-богу, голову морочите? Давайте проще!

Г о р б у н о в. Отступить перед блокадой, вывести из строя боевой корабль равносильно сдаче. Я берусь отремонтировать лодку полностью и не попрошу у вас ни одной гайки.

К о н д р а т ь е в. Я берусь!.. Я командир!.. Я держу мой флаг!.. Всё "я"! Подумаешь, какой флагман. Скромности больше, товарищ капитан-лейтенант! Ладно. Подготовьте список людей, кого считаете необходимым оставить. Человек десять, не больше. Ну и так далее. Два дня сроку.

Г о р б у н о в. Есть, готовить. Прошу разрешения одновременно обратиться к командованию с рапортом.

К о н д р а т ь е в. Разрешаю, пишите. Но не советую. Заработаете фитиль, и этим кончится. Как раз вам-то и не следует лезть. Сидите тихо. Чего вы так держитесь за лодку? Ведь будете сидеть при ней сторожем до скончания века. Плавать она не будет. Отсидеться хотите?

Г о р б у н о в. Товарищ капитан третьего ранга. Я бы десять раз подумал, прежде чем бросить такое тяжелое обвинение.

К о н д р а т ь е в (примирительно). Да я шучу, не понимаешь, что ли?

Г о р б у н о в. Этим не шутят.

Сверху явственно доносятся звуки музыки и ритмический топот. Танцуют "хоруми".

К о н д р а т ь е в. Что там такое?

Г о р б у н о в. Матросы танцуют. Голодные, усталые, а вот сегодня сунул им по полбанки консервов - они и ожили. Эти ребята не будут отсиживаться. Они хотят воевать. Слышите, как они танцуют?

Оба несколько секунд стоят, прислушиваясь к железному ритму военного танца.

К о н д р а т ь е в (одеваясь). Ладно. Пошел. Будь здоров, командир.

Г о р б у н о в. Не зайдете наверх?

К о н д р а т ь е в. Да нет, уж поздно. Пойду на базу. Дел невпроворот. Не провожай - не надо. (Вышел.)

Г о р б у н о в (проводил комдива до двери, прошелся несколько раз по комнате). Нда. Навалилось. Все в один день. Многовато для одного человека. (Потушил свет, поднял штору. Приник к стеклу.)

В зарешеченном окне первого этажа - освещенная луной замерзшая Нева, силуэт лодки. По небу бродят лучи прожекторов. Шорох в соседней комнате.

Г о р б у н о в (обернулся.) Кто там?

Г р а н и ц а. Я, товарищ командир. Граница.

Г о р б у н о в. Леша? А ну, иди сюда. Ты что здесь делаешь?

Г р а н и ц а (вошел). Я ничего, товарищ командир. Посуду хотел прибрать.

Г о р б у н о в. Посуду? А чего сопишь? Носом хлюпаешь?

Г р а н и ц а. Я не хлюпаю.

Г о р б у н о в. Ты что? Плачешь, матрос?

Г р а н и ц а (всхлипнул). Вы меня спишете.

Г о р б у н о в. С чего ты взял? Ты что же - подслушивал?

Г р а н и ц а. Товарищ командир, честное даю вам слово... Честное комсомольское, как на бюро. Я не нарочно слушал. Зашел, а капитан третьего ранга и говорит... Теперь вы меня спишете.

Г о р б у н о в. Почему же обязательно тебя?

Г р а н и ц а. Потому что я самый последний человек на лодке. Недисциплинированный. Только я не желаю с лодки... (Всхлипывает.)

Г о р б у н о в. Ну-ну, будет! Да не кисни ты, парень, без тебя тошно! Слушать меня. Обо всем, что слышал, - молчок. Тебя не отдам. Ясно? И дружка твоего Соловцова тоже постараюсь отстоять. Надоели вы мне, но, видно, уж такая моя судьба - возиться с вами. Вот так. Переварил? Кругом - арш!

Г р а н и ц а. Спасибо... (Поплелся к выходу.)

Г о р б у н о в. Отставить. Как команду выполняете? Кругом - арш!.. Вот так.

Граница уходит.

К а т я (заглянула). Виктор Иванович! Вы здесь? Что ж вы не идете? Там так весело!

Г о р б у н о в. Сейчас.

К а т я (подошла ближе). Я вам не мешаю? Если мешаю, скажите мне "кругом - арш"! Я уйду.

Г о р б у н о в. Нечего издеваться. Садитесь. Сейчас пойдем вместе.

К а т я (присела у окна). Ушел ваш начальник? Он мне не понравился.

Г о р б у н о в. Не спешите судить.

К а т я. Вы не сердитесь на те глупости, что я вам наговорила? Сознаюсь, это было очень по-дамски. (Пауза.) И все-таки я мечтаю о времени, когда навсегда прекратятся войны и ваша профессия перестанет существовать.

Г о р б у н о в. Я тоже. Так и будет. Но это будущее приходится брать с бою. В этой войне мы не только защищаем свою землю. Мы с вами воюем за будущее всего человечества.

К а т я. Вы - да. А я, к сожалению...

Г о р б у н о в. А разве вы не воюете? Вы кто? Певица?

К а т я. Была. Но в студии такой мороз, что петь совсем

нельзя. Граммофонные пластинки - и те трескаются. Теперь у меня очень смешная профессия.

Г о р б у н о в. Какая?

К а т я. Я - диктор.

Пауза.

Вы чем-то удивлены?

Г о р б у н о в (улыбнулся). Нет, ничего.

К а т я. А я люблю свою работу. Это интереснее, чем может показаться. Знаете, мне пишут письма. На днях получила даже предложение руки и сердца. Вот.

Г о р б у н о в. Вы замужем?

К а т я. Была. Мой муж умер. А вы женаты?

Г о р б у н о в. Да. (Встал.) Пойдем?

К а т я. Пойдем. Я обещала петь.

Стук.

Кто там?

Т у л я к о в (в дверях). Разрешите? Это вы, товарищ капитан-лейтенант? Не придете к нам? Команда очень просит.

Г о р б у н о в. Сейчас придем. Туляков!

Т у л я к о в. Есть!

Г о р б у н о в. Как вы думаете, весь ремонт вытянем на себе? Без завода? Может быть, даже с половиной команды? Как? Возможно?

Т у л я к о в. По идее - ничего такого невозможного в этом нет. Вот с материалами придется трудновато. Доставать надо. Нда... (Подумав.) Ничего. Все будет нормально.

Г о р б у н о в. Нормально? Ну, раз нормально, тогда пошли. (Кате.) Так вот, чтоб закончить наш спор: в будущем моя профессия, как известно, отомрет. Но на мой век мне работы хватит.

Конец второго действия

Действие третье

Картина третья

Февраль. Утро. Оттепель. Двор завода на берегу Невы. В центре - обитая железом, запертая на железный висячий замок дверь склада. Над дверью полустертый лозунг: "Кто не помогает всецело и беззаветно Красной Армии... тот предатель и изменник" (Ленин). У двери гора полузасыпанного снегом железного лома. Огромная ржавая лопасть гребного винта. На лопасти сидит сторожиха - средних лет женщина в овчинном тулупе до пят и валенках с галошами. Между колен немецкая винтовка без штыка. Рядом с нею в прибитом к стене ящике телефонный аппарат.

С т о р о ж и х а (привстала, вскинув винтовку). Эй! Эй! Стой! Кто идет?

Г о л о с. Свои!

С т о р о ж и х а. А ктой-то - свои?

Г о л о с. Один матрос.

С т о р о ж и х а. Нельзя! Давай назад!

Г о л о с. Почему нельзя?

С т о р о ж и х а. Нельзя по льду ходить. С реки никого теперь не допускаю. Давай кругом, через проходную!

Г о л о с. Больно далеко, мать. Ноженьки болят.

С т о р о ж и х а. Я кому сказала - назад?! (Щелкнула затвором.) Стой, я тебе приказываю!

С о л о в ц о в (въезжает на лыжах пятками вперед и резко тормозит около сторожихи). Стою. Чего шумишь, мать? Не видишь - свой?

С т о р о ж и х а. А я почем знаю? Может, ты фриц.

С о л о в ц о в. А ты гляди на меня лучше: где ж это фрицы такие бывают?

С т о р о ж и х а (разглядывая широко улыбающееся лицо Соловцова). Ты чей?

С о л о в ц о в. Сын собственных родителей. Лыжная разведка, в авангарде главных сил. Понятно вам?

С т о р о ж и х а (ее опять взяло сомнение). Вот, вот. В аккурат третьего дни одного такого голубчика словили. Тоже на лыжах. И говорил тоже по-нашему. Ох, и били же его!

С о л о в ц о в. Кто?

С т о р о ж и х а. Наши девочки. Здешние, заводские. Бойцы охраны порядка.

С о л о в ц о в. А ты, стало быть, тоже боец?

С т о р о ж и х а. А то кто же? Ну, зубы не скалить! Пропуск есть?

С о л о в ц о в. Нету.

С т о р о ж и х а. А нету - значит, я тебя теперь задерживаю.

С о л о в ц о в. Давно бы так. (Ставит лыжи к стене.)

С т о р о ж и х а (покрутила ручку телефона). Ктой-то?.. Тоська?.. Штаб мне давай. А где начальница?.. Ась? Ну, поищи... По восемнадцатому нет? Может, по докам пошла? А ну, звякни туда... Опять провода порваны? Чего же не чините? Ну да, так вот тебе сейчас брошу пост, кошки надену, да и полезу по столбам. (Бросила трубку.) Сядь, обожди. Да смотри, удрать не вздумай.

С о л о в ц о в. Еще чего. Я теперь хоть гони, никуда не уйду.

С т о р о ж и х а. Вот и сиди. Курить есть?

С о л о в ц о в (вынул жестянку с табаком.) Прошу. (Кивнул на винтовку.) Заряжена или так?

С т о р о ж и х а. А тебе зачем знать?

С о л о в ц о в. Значит, не заряжена. Эх, боец!

С т о р о ж и х а. Раз не хватает. Ночью тут мужчина стоит - у того справная, с пулями, все как следует...

С о л о в ц о в. Понятно. Значит, ночью надо приходить? Теперь будем знать. На будущее.

С т о р о ж и х а. Может, я зря тебе это говорю, а?

С о л о в ц о в. Зря. Определенно зря. Не надо говорить. (Пауза.) Как табачок?

С т о р о ж и х а. Крепкий. (Закашлялась.)

С о л о в ц о в. Мать?..

С т о р о ж и х а. Ну?

С о л о в ц о в. А известно тебе, что по уставу караульной службы от посторонних лиц, а тем более от задержанных вам принимать ничего не полагается?

С т о р о ж и х а. Ну да? И табаку нельзя?

С о л о в ц о в. Вот именно - нельзя. А вдруг я тебе чего подсыпал? (Видя ее испуг.) Кури, кури. Уж если подсыпал, так теперь поздно, все пропало. Эх, учить вас надо. (Вдруг захохотал.)

С т о р о ж и х а. Ну, чего ты еще? Чему смеешься?

С о л о в ц о в. Так. Смешно - до чего в меня, оказывается, дисциплина въелась! Вот ведь я матрос, а ты - баба, у меня наган, а у тебя помело, и все ж я при тебе сижу, как арестант, и - ничего. А почему? Законность! (Хохочет.)

С т о р о ж и х а. Ты, я вижу, нахал здоровый...

С о л о в ц о в (серьезно). Это есть. Теперь-то ничего, раньше больше было.

С т о р о ж и х а. Да уж куда больше-то?

С о л о в ц о в. А что - плохо?

С т о р о ж и х а. Да ничего хорошего-то нет.

С о л о в ц о в. Не говори, мать. Это смотря по обстановке. Вот позапрошлый месяц вызывает меня командир корабля: - Соловцов! - Есть, Соловцов. - Как у вас, Соловцов, насчет нахальства? - Изживаю, товарищ капитан-лейтенант. - Ну так вот, покуда не вовсе изжили, поручаю вам обеспечение ремонта материалами. Ясно? - Ясно, товарищ капитан-лейтенант. Давайте разворачивайтесь! Ну вот второй месяц и разворачиваюсь. Канцелярии эти береговые насквозь изучил, через все рифы и банки прошел, лоцманом быть могу.

С т о р о ж и х а. Ой, трудно небось?

С о л о в ц о в. Спрашиваешь. (Подумав.) Воевать легче.

С т о р о ж и х а. А сюда зачем пришел?

С о л о в ц о в. Трубки мне нужны. Красномедные, на разный диаметр.

С т о р о ж и х а. А есть они у нас?

С о л о в ц о в. Должны быть. Кладовщик тут у вас есть, старичок такой. У него по журналу значатся.

С т о р о ж и х а. Старичок? Прокофьич, что ли? Убило.

С о л о в ц о в. Что ты, мать? Когда?

С т о р о ж и х а. Третьего дни, в обстрел. Насмерть. Вот тут за углом. И стену в складе разворотило - дыра теперь. А журналы те теперь ищут - и не могут найти.

С о л о в ц о в. Кто ищет?

С т о р о ж и х а. Военные какие-то понаехали. Один начальник теперь при нас и поселился. Печку поставил и живет.

С о л о в ц о в (встал, двинулся). А ну, покажи дыру-то?

С т о р о ж и х а. Чего глядеть? Дыра и дыра.

С о л о в ц о в. Покажи, мать. Мне только одним глазом. Не бойся, ничего не украду.

С т о р о ж и х а. Чего ж там украдешь? Кабы пища, а то одно железо. Зубы обломаешь. (Уходят.)

Лязг и грохот грузовика. Завизжали тормоза, хлопнули дверцы. Появился Горбунов. Он осунулся, но по-прежнему аккуратен и подтянут. Его сопровождает шофер в гражданской одежде и рваной ушанке. Шофер грязен, небрит, ожесточен и груб до последней степени.

Г о р б у н о в. Спокойнее, товарищ шофер. Спокойнее...

Ш о ф е р. Вот я вам сказал. А там как знаете. Машину больше нельзя грузить. У меня рессора не держит. Сдаст среди дороги, куда я денусь? Видите, скользь какая? Я машину не дам ломать.

Г о р б у н о в. Тише, тише. Я вам повторяю: груз небольшой. А людей обратно не повезете - пойдем пешком. Ясно?

Появляются Ждановский, строитель, Туляков, Граница.

Ш о ф е р. Только я ждать долго не буду. Пять минут вам. А там как знаете. Я по вашей милости без обеда не должен оставаться. Пять минут. Не погрузите - уеду, а там как знаете.

Г о р б у н о в. А я вам говорю - тише. Никуда вы без меня не уедете.

Ш о ф е р. Вы на меня рукой не машите. Я вас не боюсь. Мне все равно, кто вы такой - военный или какой другой... Для меня все одинаковы. У меня наряд есть до одиннадцати часов, я больше ничего не знаю. И вы меня на испуг не берите. Пять минут, а там как знаете. Мне дела нет.

Г о р б у н о в (оглядывается). Где же Соловцов?

С о л о в ц о в (выглянул из-за угла). Есть, Соловцов. Выручайте, товарищ командир. Арестовали.

С т о р о ж и х а (появилась). Пропуска имеются, граждане?

Г о р б у н о в. Да. (Предъявляет.) Эти все со мной.

С т о р о ж и х а (показывая на Соловцова). Этот тоже ваш? Пожалуйста, можете следовать.

С т р о и т е л ь. Что, попался, разведчик? А хвалился...

С о л о в ц о в. Напрасно смеетесь, товарищ инженер. Полный порядок.

Ж д а н о в с к и й. Что? Есть?

С о л о в ц о в. Так точно, товарищ инженер-капитан-лейтенант. Задание ваше выполнено. Желаете взглянуть?

Ж д а н о в с к и й. Тулякову покажите. Он знает.

Г о р б у н о в (подошел). Ну что, Соловцов? Развернулся?

С о л о в ц о в. Соловцов да не развернется! Оформляйте покуда документы, товарищ командир. Я сейчас. Леша! Старшина! За мной!

Все трое скрываются за углом.

Г о р б у н о в. У кого же тут оформляться? Ты не знаешь, Кудиныч?

С т р о и т е л ь. Раньше знал, а теперь откуда же? (Сторожихе.) Скоро отпирать будут?

С т о р о ж и х а. Не скажу, милый, не знаю. Кладовщика теперь нет, а я ничего не знаю.

Ш о ф е р. Ну что, долго еще? Ей-богу, я ждать не буду. Делайте что хотите. Я из-за вас холодный сидеть не должен.

Ж д а н о в с к и й. Поменьше говорите, шофер. Быстрей дело пойдет.

Г о р б у н о в. Товарищ краснофлотец!

С о к о л о в (появился, он в шлеме с шоферскими очками, в руках автомобильный насос). Старшина второй статьи, к вашему сведению.

Г о р б у н о в. Подите сюда.

С о к о л о в (нехотя приблизился). В чем дело? (Пауза.) Говорите скорее - мне некогда.

Г о р б у н о в. Может быть, вы сначала вынете папиросу изо рта? Ну-ка, ну-ка? Старый знакомый?

С о к о л о в. Может быть, и так.

Г о р б у н о в. Видно, не пошла вам впрок наука. (Резко.) Встать как следует! Где ваш начальник?

Г о л о с С е л я н и н а. Соколов! Что там у вас?

С о к о л о в. Товарищ начальник! Вот командир тут один, не знаю чего придирается...

С е л я н и н (появился. Плотный сорокалетний человек, держится самоуверенно и строго. На нем отличная драповая шинель и светлые фетровые бурки). Что вы от него хотите?

Г о р б у н о в. Ваш боец?

С е л я н и н. Позвольте... Занимайтесь, прошу вас, воспитанием своих бойцов, а моих оставьте в покое. Что вам нужно?

Г о р б у н о в. Имейте в виду, я этого дела так не оставлю.

С е л я н и н. Я вас спрашиваю, что вы хотите? Я тороплюсь.

Г о р б у н о в (вынимает бумаги). Вот, пожалуйста.

С е л я н и н (просмотрел). Ничего не могу сделать.

Г о р б у н о в. Почему? Разве трубок нет?

С е л я н и н. Может быть, и есть, но в ближайшее время я вам ничего ответить не могу. Склад нашей организацией еще не принят. Если не отыщем журналов, придется составлять опись, потом акт о фактическом наличии...

Ж д а н о в с к и й. Когда же это будет?

С е л я н и н. Обещать ничего не хочу. Недельки две-три.

Г о р б у н о в. Я столько ждать не могу. У меня срочный ремонт.

С е л я н и н. Это, извините, меня не касается. Вы сами должны понимать, в какой обстановке работаем. Простую комиссию неделю созываешь.

С т р о и т е л ь (вскипел). Да вы что, смеетесь над нами, в самом-то деле? Десять матросов под огнем, на морозе голыми руками корабль ремонтируют, а вы нам про комиссии толкуете! Ну так дайте без комиссии, матери вашей черт! Все равно же сгниет тут у вас...

Г о р б у н о в. Не горячись, Кудиныч...

С е л я н и н (строителю). А с вами я вообще не разговариваю. Кто вы такой? Я вас не знаю.

С т р о и т е л ь. Откуда ж вам меня знать! У меня на этом заводе дед и отец работали. Я за этот завод орденом Ленина награжден. Откуда ж вам меня знать!

Ш о ф е р (вяло). Ну скоро, что ли? Будь я проклят, если хоть минуту жду. Вот уеду, а там как знаете...

Г о р б у н о в. Кому вы подчинены?

С е л я н и н. Рыжову. Только вряд ли он вам разрешит.

Г о р б у н о в. Откуда здесь можно позвонить?

С е л я н и н. Откуда хотите. Но имейте в виду, мне вас ждать некогда. Соколов! Вы чего стоите? Выводите машину.

С т о р о ж и х а (у телефона). Ктой-то?.. Тоська? Город мне давай... Занято? Отключи, будто ненароком. Дело спешное. Ну?.. Сейчас? (Горбунову.) Давай звони, что ли...

Г о р б у н о в. Группа Б. Пять ноль семь восемьдесят семь. Прошу бригинтенданта товарища Рыжова. Хорошо, жду.

Ш о ф е р (поманил Соколова). Поди-ка сюда, водитель.

С о к о л о в (подошел). В чем дело?

Ш о ф е р (тихо). Вот что, товарищ дорогой. Машину тебе прогреть надо.

С о к о л о в. Чего прогревать? Оттепель.

Ш о ф е р. Ну, стало быть, свечу сменить. Либо карбюратор прочистить. Ничего, обождет твой начальник. Уразумел?

С о к о л о в. А твое какое дело?

Ш о ф е р. Ты со старым шофером не спорь. Понял? Не послушаешь пожалеешь. Попадешься мне - без колеса оставлю и отвечать не буду.

Г о р б у н о в (у телефона). Товарищ бригинтендант. Обращается капитан-лейтенант Горбунов. Прошу вашего разрешения на немедленный отпуск материалов со склада девяносто. Да, еще не заактировано. Срочная надобность... Благодарю вас. Разрешите передать трубку?

С е л я н и н. Не нужно.

Г о р б у н о в. Уже все в порядке. Еще раз благодарю. Извините за беспокойство. (Кладет трубку.) Вопрос исчерпан?

С е л я н и н. Хорошо. Приезжайте завтра с письменным разрешением. Если есть, получите.

Г о р б у н о в. То есть как "приезжайте"? Я еле машину достал, бензин по всему городу по литрам собирали... Что вы - издеваетесь надо мной?

С е л я н и н. Я вам все сказал. Соколов!

С о к о л о в (издали). Есть. Минутку.

Г о р б у н о в. Бумажку, если это необходимо, я сегодня же вечером пришлю вам с краснофлотцем.

С е л я н и н. Это вы сейчас говорите. А как получите, что вам надо, и думать об этом перестанете.

Г о р б у н о в. Я даю вам слово: не позже завтрашнего утра бумажка будет здесь.

С е л я н и н. А почему я должен вам верить?

Г о р б у н о в. Обязаны верить. Я не с улицы пришел. Я - командир флота.

С е л я н и н. Так то оно так. Только, извините, есть старый большевистский принцип: доверяй, да проверяй. Вот мы по нему и живем. Соколов!

С о к о л о в (издали). Минутку, товарищ начальник. Подкачаю только.

Т у л я к о в (появился). Товарищ капитан-лейтенант. Разрешите доложить: все нормально. Калибр чуть-чуть не тот - так это приспособить можно. Уже погрузились. (Селянину.) Посмотрите, товарищ военинженер. Все как есть по наряду, гайки лишней не взято.

Сторожиха ахнула, побежала, шофер бросился за ней.

Г о р б у н о в. Погрузились? Как - погрузились?

Т у л я к о в. Все нормально, товарищ командир. Да там дырища шире всяких дверей. Разрешите идти?

Г о р б у н о в. Идите.

Туляков уходит.

Вы тут навешали печатей, а у вас с заднего двора можно весь склад вывезти вы и не заметите. Последний раз вас спрашиваю: будете оформлять документы?

С е л я н и н. Яс вами торговаться не собираюсь. Вы не на базаре. Потрудитесь приказать вашим людям вернуть все на свои места. Теперь я принципиально ничего не буду делать. А повезете без оформления - будете отвечать за самоуправство. Хотите? Можете везти.

Г о р б у н о в. Ах вы, негодяй! Люди воюют, а вы... Ух, изменник, предатель!.. Таким, как вы, мало морду бить. Стрелять надо, как бешеных собак! (Хватается за пистолет.)

Селянин пятится.

С т р о и т е л ь (удерживает). Виктор, Виктор...

С о л о в ц о в (появился). Разрешите, товарищ командир... (Увидев Селянина, онемел.)

Ж д а н о в с к и й (заметил, схватил Соловцова за руку). Он?

С о л о в ц о в. Точно.

Ж д а н о в с к и й (сквозь зубы). Если любите командира, - молчать. Убьет.

С о л о в ц о в (тяжело дыша). Есть.

С е л я н и н (оправившись от испуга). Так? Хорошо! Разбой? Ну погодите... Я до Военного совета дойду. Соколов! Соколов! (Выбегает.)

Г р а н и ц а (выглянул). Товарищ командир! Какие будут приказания? Шофер бунтуется.

Ш о ф е р (появился). Ну, скоро ли, что ли, ехать? Погрузили уж! Да что вы в самом деле? У меня рацион пропадает, дома дети голодные сидят. Вот брошу все к дьяволу!

Г о р б у н о в. Хорошо. Поехали. Кудиныч, садись в кабину. Все остальные пешком.

Ш о ф е р. Ладно, садитесь все, сколько есть. Довезу. Эх, пропадай моя рессора! (Соловцову.) А ты куда, матрос?

С о л о в ц о в. Я - на лыжах.

Ш о ф е р. Куда, к черту, на лыжах! Что у тебя, запасные ноги, что ли, есть? Садись. Садись, говорю! (Диким голосом.) Да не задерживай ты, матрос, чтоб ты пропал!

Картина четвертая

Февраль. Солнечный день. Комната в квартире Юлии

Антоновны. Простое, почти аскетическое убранство. На стене спасательный круг с надписью "Новик", модель корабля на подставке. На полу и на стульях в беспорядке сложены картины, холсты на подрамниках, чемоданы и узлы. В углу приютился мольберт. Одно из окон разбито. Через него виден знакомый двор. Арка с кипятильником уцелела, но дом, выходящий на Набережную, превращен в руины. Бомба срезала стену квартиры Ивана Константиновича. Снег лежит на крышке рояля. Со двора доносятся шипение и скрежет: идет электросварка. У окна Юлия Антоновна и строитель.

Ю л и я А н т о н о в н а. Это комната покойного мужа. Я здесь ничего не трогала - все как было. Сюда я хочу поселить Виктора Ивановича. Тут вещи мужа, его книги - Виктору Ивановичу будет приятно. Вас с Федором Михайловичем и Диму - в столовую. Ивана Константиновича придется устроить у меня...

С т р о и т е л ь. А вы куда же?

Ю л и я А н т о н о в н а. Как - куда? На кухню. По крайней мере мне будет тепло.

Стук в дверь. Граница вносит чемодан, за ним идет Туляков.

Г р а н и ц а. Вот теперь - всё. А окна придется фанерой зашивать стекол нет ничего.

С т р о и т е л ь. Как дела, Лаврентий?

Т у л я к о в. Все нормально. Сегодня сварку провожу... По вашему способу пробуем.

С т р о и т е л ь. Получается?

Т у л я к о в. По идее - должно быть хорошо. (Юлии Антоновне.) Лазили сейчас рояль смотреть. Целехонек. Ну, конечно, настройка наша вся насмарку.

Ю л и я А н т о н о в н а. Можно его оттуда снять?

Т у л я к о в. Отчего же невозможно? Ничего такого невозможного нет. Тали покрепче подвести - и всё. Боцману скажите, Мирону Осиповичу. Это боцманское дело.

Г р а н и ц а. Эва, кувшин-то как стоит! Глядите. На самом краешке. Вот-вот сдует.

Ю л и я А н т о н о в н а. Вещи - что! Бог с ними. Людей жалко. Даже Николая Эрастовича жалко...

С т р о и т е л ь. Помер?

Ю л и я А н т о н о в н а. Не помер, так завтра умрет. Вот судьба! Как он жить хотел... Ногтями и зубами цеплялся. Последнее время ни о чем не мог говорить - только о еде. Ужасно он меня этим злил. А как он радовался, когда через Ладогу хлеб пошел и объявили новую норму. Прибежал, чуть не пляшет:

прибавили, прибавили! Бедняга.

Т у л я к о в. Нда... Пошли, товарищ Граница. В обед зайдете.

Выходя, сталкивается в дверях с Тамарой, которую ведут под руки Туровцев и "доктор". Увидя молчаливый вопрос в глазах Юлии Антоновны, "доктор" сумрачно кивнул головой. Тамару усаживают в кресло.

Т а м а р а. Вот и всё. Вот и всё.

Т у р о в ц е в. Тамара...

Ю л и я А н т о н о в н а. Помолчите, Дима. Не трогайте ее.

Д о к т о р. Так я пойду. Надо к дворничихе зайти. Мальчишку помяло. (Выходит.)

Т а м а р а. Вот и всё.

С улицы доносится звук разбившегося стекла.

(С криком вскакивает, вцепившись в руку Туровцева.) Что? Что это?

С т р о и т е л ь (смотря в окно). Кувшин. Сверзился-таки.

Т а м а р а. Где? Какой кувшин? Что вы говорите, я ничего не понимаю. (Опустилась в кресло и разрыдалась.)

Т у р о в ц е в. Тамара, ну что ты... Перестань.

Т а м а р а. Димка, уйди! Зачем вы меня сюда привели? Я сейчас уйду. Пустите.

Ю л и я А н т о н о в н а. Не глупи. Куда ты пойдешь?

Т а м а р а. Туда, к нему... Нет, не могу... Не знаю куда... Куда глаза глядят... (Хочет встать и опять падает в кресло.)

Т у р о в ц е в. Тамара, погоди. Послушай. Слышишь меня? Ну что ж теперь поделаешь? Кругом столько народу гибнет...

Т а м а р а. Ах, какое мне дело!..

Т у р о в ц е в. Ты же мне сама говорила, что он для тебя чужой человек, посторонний...

Т а м а р а (резко повернулась к Туровцеву). Кто чужой? Он муж мне. Понимаешь - муж! Я все знаю: Колька старый, трусливый, болтливый, но он мой муж, родной человек. Я сама такая, как он. И он меня любил - понимаешь ты это? Любил, все понимал и не судил строго. Он прощал. И если у меня было горе, я шла к нему. Я знала - не поможет, так хоть пожалеет. Поплачем вместе. А теперь к кому я пойду? К Семке Селянину? Очень я ему нужна. Нынче бабы дешевы. За две банки консервов он себе другую найдет... вроде меня.

Т у р о в ц е в (в ужасе). Тамара, зачем ты так говоришь? Что ж, по-твоему, и я на тебя так смотрю? Я тебе не друг?

Т а м а р а. А! Ты - мальчишка. Хороший... А станешь старше, будешь как Семка. Все вы одинаковы.

Т у р о в ц е в. Тамара...

Т а м а р а. Все. Вам бы только без хлопот. На одного только

человека я удивляюсь. Уж не знаю, дурак он или святой. Как его? Ну, командир-то твой? Виктор. Молится на Катьку, но чтоб лезть - ни-ни! Чистая дружба, как в романах. Я сначала не верила, думала, Катька врет. Смешно, а хорошо. Даже завидно. Катьке везет. Всегда везло. Хотя, что ж это я? Нашла кому говорить. Ты ведь его ругаешь. Ну так радуйся: погонят его скоро. Зашлют куда-нибудь подальше. Я бы за таким - на край света...

Ю л и я А н т о н о в н а. Что ты болтаешь! Ну что ты болтаешь?

Т а м а р а. Снимут. Уж я знаю. Семка чуть не пляшет... (Пауза.) А о Николае не смейте мне плохо говорить. Никто не смейте. Вы его не знаете. Он был талантливый. Химик он, научную работу писал. И все умел. Когда спичек не стали давать, он сам спички делал. Настоящие. Вот вы видели, вы знаете. И он совсем не жадный. Он эти спички всем жильцам давал, без денег. А зимой - это он не выдержал. Сломался, совсем другой человек стал. Я его сама не узнавала. А потом он не так за себя - за меня очень боялся. Очень меня любил. Я девочкой за Колю вышла, он старше меня, много старше, и мы хорошо жили, никогда я ни с кем... Он и теперь знал, что я не проститутка, что я не из-за интереса, а оттого, что страшно мне, чтоб заглушить, чтоб весело было... Ну что ж мне делать, если я не умею терпеть, если я привыкла, чтоб было легко? Кто же виноват, что я такая? Тетя Юля! Вот вы старшая, вы меня маленькой знали, и вы и дядя Володя... Почему никто из вас не сказал мне, что жизнь не всегда будет легка и проста, что жизнь бывает трудной, страшной, непонятной? Где ж вы тогда были? (Невесело усмехнулась и пошла к двери.)

Ю л и я А н т о н о в н а. Куда, Тамара?

Т а м а р а (дрожат). Холодно.

Ю л и я А н т о н о в н а. Пойдем на кухню. Пойдем, девочка. (Мужчинам.) Вы погодите. Не суйтесь.

Выходят.

С т р о и т е л ь. Да, брат Митрий. Дела!..

Вошел Горбунов, за ним - Ждановский.

Г о р б у н о в. Юлии Антоновны нет? Надо гнать Ивана Константиновича со двора - простудится. Третий час сидит на ветру. (Туровцеву.) А вы чем заняты? Подите на лодку, там сейчас сварку начнут.

Т у р о в ц е в. Виктор Иванович! Я прошу вас уделить мне одну минуту.

Г о р б у н о в. Очень это срочно?

Т у р о в ц е в. Да.

Г о р б у н о в. По личному поводу?

Т у р о в ц е в. Да.

Г о р б у н о в. Хорошо, говорите. Только покороче. Прошу извинить, очень устал. Еле на ногах стою.

Т у р о в ц е в. Только я хотел бы наедине.

Г о р б у н о в. А обязательно это?

Т у р о в ц е в. Хорошо. Пусть. Так даже лучше. Я хотел вам сказать... Простите меня, Виктор Иванович.

Г о р б у н о в. За что?

Т у р о в ц е в. За все. Я считал, что вы ко мне несправедливы. Придираетесь. Я не понимал. Теперь мне очень совестно, Виктор Иванович, что я мог о вас плоха думать.

Г о р б у н о в. И только?

Т у р о в ц е в. Нет-нет. Я скажу. Я плохо говорил о вас, Виктор Иванович. Комдиву говорил. И не только комдиву. Если бы я вам в глаза сказал - другое дело. А за глаза - это подлость. Я не клеветал на вас нарочно, а вышло хуже клеветы. Говорил, что вы с загибами. И еще говорил, что вы для других только мораль разводите, а сами... (Запнулся.)

С т р о и т е л ь. Ну, Митрий! Не ожидал.

Г о р б у н о в. Всё?

Т у р о в ц е в. Да.

Г о р б у н о в (после паузы). Ну что же... Я это знал.

Т у р о в ц е в. Знали?

Г о р б у н о в. Знал.

Т у р о в ц е в. И не сказали?

Г о р б у н о в. Зачем? Я ждал, что вы мне сами об этом скажете.

Т у р о в ц е в. Вы думали, скажу?

Г о р б у н о в. Так мне думалось. Как раз недавно мы с Федором Михайловичем перекинулись: как, мол, скажет - не скажет? Решили - скажет. Парень молодой, хороший, способный. Так, Федя?

Ж д а н о в с к и й. Правильно.

Т у р о в ц е в (тихо). Спасибо.

Г о р б у н о в. Ну что ж - хорошо. Вопрос исчерпан. А в поход сходим вместе - совсем будет ладно. Ну, конечно, если...

Т у р о в ц е в. Что - если?

Г о р б у н о в. Ну, да мало ли что. До весны далеко. Могут быть всякие перемещения, назначения...

Т у р о в ц е в. Виктор Иванович! Как мне теперь загладить... нет, не загладить, а как мне исправить...

Г о р б у н о в. Не знаю. Дело ваше. В общем вопрос исчерпан. Мир. Как, коллегия?

Ж д а н о в с к и й. Быть по сему. А я с ним еще потом

поговорю. Без свидетелей.

С т р о и т е л ь. Ладно. Быть по сему. Но смотри у меня, Митрий...

Г о р б у н о в. Мир. (Протягивает руку.) Кто там? Вы, Халецкий?

Х а л е ц к и й (вошел). Разрешите доложить, товарищ капитан-лейтенант. Прибыл командир дивизиона. Разрешите быть свободным?

Г о р б у н о в. Да.

Халецкий вышел.

С т р о и т е л ь (Ждановскому и Туровцеву). Пошли-ка, братцы, на сварку смотреть.

Выходят. Слышно, как они здороваются в передней с входящим командиром дивизиона. Горбунов двинулся к двери встретить Кондратьева.

К о н д р а т ь е в. Сюда, что ли? Вижу, вижу. (Вошел.) Здравствуй, командир. Все квартиры меняешь? (Подошел к окну.) Здорово разворотило. Ах, сволочи! (Прошелся по комнате, разглядывая стены, портреты, затем остановился перед Горбуновым.) Ну? Допрыгался?

Горбунов молчит.

(Опять заходил по комнате.) А все ваш роскошный характер. И в кого ты уродился такой леший? Нашел с кем связываться - с Селяниным. Самый кляузный мужик.

Г о р б у н о в. Ух, прохвост!

К о н д р а т ь е в. Вот потому-то мне и обидно. А ведь теперь дело поворачивается так, что прохвост-то - ты, а он - невинная жертва. Ну ладно. Хоть ты на меня и фыркаешь, а я тебе все-таки друг. Давай сюда документы.

Г о р б у н о в. Какие?

К о н д р а т ь е в. Ну, эти самые... насчет материалов. Сейчас свезу их Селянину. Он примет, оформит. Точка.

Г о р б у н о в. Что это он вдруг? Совесть зазрила?

К о н д р а т ь е в. Кой черт, совесть! Я его припугнул. Пришел ко мне жаловаться, а я и намекнул, что ему за это дело тоже может быть фитиль. Вы-то чего смотрели? И вообще говорю: не связывайтесь с Горбуновым, у него, знаете, поддержка есть, то да се. Навел туману. Так что он теперь и сам шуму не хочет. Боится чего-то. (Засмеялся.) Что смотришь? Кланяйся, благодари.

Г о р б у н о в. Погоди, я что-то не соображаю. Как же так? Ведь не это же главное?

К о н д р а т ь е в. А что?

Г о р б у н о в. Я его оскорбил.

К о н д р а т ь е в. Ты?

Г о р б у н о в. Я назвал его изменником и предателем.

К о н д р а т ь е в. Первый раз слышу. Мне Селянин ничего не сказал.

Г о р б у н о в. Не говорил? (Пауза.) Хорошо. Были свидетели. Они подтвердят, что я его оскорбил.

К о н д р а т ь е в. Опять не слава богу! Что ты на рожон лезешь, не понимаю. Оскорбил, оскорбил! А он не оскорбился! Что ты от него хочешь? На дуэль чтоб он тебя вызвал?

Г о р б у н о в. Дуэль? (Улыбнулся.) Ты, кажется, меня уже совсем за чудака считаешь. А все-таки жаль, что ничего вместо этого не выдумано.

К о н д р а т ь е в. Вот-вот. Поговори, поговори. Пофантазируй. Теорию какую-нибудь изобрази. Изложи литературно и подай. Самое время. Мало на тебя материала. Ты добавь.

Г о р б у н о в. А много?

К о н д р а т ь е в. Хватит. Теперь тебе всякое лыко в строку. Раз у вас такой характер, что любите людей задевать, так надо, чтоб вы сами были, как говорится, без сучка-задоринки. Вот теперь оступился - вся муть кверху.

Г о р б у н о в. Знаю, слышал. Семь смертных грехов. Завиральные идеи, критиканство, деморализация, дезориентация. Бытовое разложение. Был нынче у меня один ученый товарищ. Учинял допрос с пристрастием.

К о н д р а т ь е в. А ты и его обругал?

Г о р б у н о в. Обругал. Сначала держался, а как он начал про Катерину Ивановну расспрашивать - не стерпел.

К о н д р а т ь е в. Ну, а строго между нами - что там у вас?

Г о р б у н о в. Ты же все равно не поверишь.

К о н д р а т ь е в. Пожалуй, не поверю. А! Дело не мое! Ладно. Давай документы - это раз. А во-вторых, пиши мне рапорт.

Г о р б у н о в. О чем?

К о н д р а т ь е в. Кайся!

Г о р б у н о в. В чем?

К о н д р а т ь е в. В этом... ну, что допускал со своей стороны... Тебе видней. В чем находишь нужным. Может, тогда не снимут, обойдется как-нибудь. Ну по партийной линии, конечно, тебя будут драить. Где одно, там и другое.

Г о р б у н о в. Ну уж извините! Я уважаю партийное собрание и не желаю ломать перед ним комедию. Хорошенькая будет картинка: "Товарищи! Предоставим слово Горбунову. Покороче, товарищ Горбунов". Вылезает Витька Горбунов с постной рожей. "Товарищи, я допустил ошибку!" Голос с места (это ученый товарищ): "Грубую ошибку!" "Правильно, товарищи, мне сейчас

вот здесь подсказывают - грубую ошибку. Я не хочу себя оправдывать...". Засим следуют оправдания. И честные люди, мои же товарищи коммунисты, сидящие на собрании, сразу увидят, что я вру, и будут меня презирать. И я первый не буду себя уважать. А не уважая себя, нельзя командовать кораблем. Нельзя.

К о н д р а т ь е в. Ну, а будешь упрямиться - снимут. Уж будто тебе не в чем покаяться. Безгрешных ангелов не бывает. Ладно. Подумай до завтра. А завтра в десять ноль-ноль быть у меня. Контр-адмирал вызывает.

Г о р б у н о в. Какой контр-адмирал?

К о н д р а т ь е в. Контр-адмирал Белобров. Обследует нашу бригаду. Грозный мужчина. Как начнет честить - держись. Так что - учти. Поосторожней с ним. Понял? Всё. У тебя есть что ко мне?

Г о р б у н о в. Есть. Я хочу, чтоб вернули на лодку пушку и приборы. И списанных бойцов. Пока я еще командир.

К о н д р а т ь е в. Опять за старое? Не знаю уж, кто ты такой, а вот я - ангел. Ангельское у меня терпение. И почему я такой хороший - сам понять не могу. Ведь по-настоящему за один твой доклад о нашем походе я с тебя должен голову снять... А с награждением теперь заглохло. Это неспроста.

Г о р б у н о в (улыбнулся). Ордена дает правительство. Ему видней.

К о н д р а т ь е в. Запомнил! Нет, ты объясни, почему я все это терплю?

Г о р б у н о в. Потому что я правду говорил.

К о н д р а т ь е в. Правду! Мало ли что правду! Просто я тебя люблю. Уж не знаю за что. Я человек простой, открытый... (Заметив прищуренный взгляд Горбунова, засмеялся.) Ну, ладно. На! (Протягивает руку.)

К а т я (вбежала, запыхавшись). Вы здесь? Живы? Боже, как я переволновалась.

К о н д р а т ь е в. Здравствуйте, Катерина Ивановна. И до свидания.

К а т я. До свидания.

Кондратьев выходит.

К а т я. Очень рада, что он ушел. Что с вами? Вы больны?

Г о р б у н о в. Не знаю. Может быть, немного простудился ночью...

К а т я. Так что же вы стоите здесь, на холоду? Подите сюда. (Дотрагивается до его лба.) Не могу понять. Жара как будто нет. А глаза нехорошие. Неприятности? (Пауза.) Терпеть не могу вашего Бориса Петровича.

Г о р б у н о в. За что вы его так невзлюбили?

К а т я. Оставьте, не смейте его защищать. И никакой он вам не друг. И вы сами на него сердитесь, но почему-то всегда защищаете.

Г о р б у н о в. Значит, друг, если сержусь. На чужих что проку сердиться?

К а т я. А на меня вы сердитесь когда-нибудь? Впрочем, можете не отвечать. Конечно, нет. Со мной вы всегда удивительно любезны. (Быстро обернулась.) Папа? Замерз?

Х у д о ж н и к (входит). Нет-нет. Только немного пальцы... Я обязательно должен еще сегодня поработать. Мне кажется, что я увидел правильно. Но надо закрепить увиденное...

Г о р б у н о в. Картину пишете?

Х у д о ж н и к. Нет. Я пишу обвинительный акт. Если это будет только картина, я брошу ее в огонь. Я хочу, чтобы у людей сжимались кулаки, когда они будут смотреть на этот кусок холста.

Г о р б у н о в. Можно взглянуть?

Х у д о ж н и к (нерешительно). Пожалуйста... Только ведь это не вполне закончено. А женская фигура на переднем плане... ее уж придется потом как-нибудь по памяти... (Поворачивает холст к свету.)

Г о р б у н о в (после очень длинной паузы). Да...

Опять молчание.

Х у д о ж н и к. Вы даже не знаете, Виктор Иванович, какую роль вы сыграли в моей жизни. Не будь вас...

Г о р б у н о в. Не надо. Это вам так кажется. Лучше дайте мне совет. Вы - старый, мудрый человек, вы знаете человеческое сердце. Скажите... (С усилием.) Вот если бы вам пришлось выбирать - сказать правду, рискуя потерять что-то очень для вас дорогое, или... Всегда ли человек должен говорить все, что у него на душе, или иногда он может... Нет, так вы не поймете. Мне нужно для себя решить... К сожалению, я не имею права рассказывать.

Х у д о ж н и к. Мне кажется, что я все-таки улавливаю, о чем вы говорите. Друг мой, я, вероятно, недостаточно разбираюсь в практической жизни. Но в искусстве я кое-что смыслю. Так позвольте, я буду говорить сейчас как художник. Ну, несомненно, когда имеешь дело с врагом, искренность может быть весьма неуместна. Не мне вас учить, тут вам и книги в руки. Но своему народу можно говорить только правду. Призвание художника в том, чтоб изображать мир так, как он его видит. Можно учиться у жизни видеть по-новому, но нельзя писать то, чего не увидел твой глаз художника, нельзя смотреть на мир глазами соседа. Правда не всегда легка. Но творения, созданные честной рукой, живут,

они будят мысли и страсти, а все, порожденное модой, холодным расчетом, умирает быстро, и народ отворачивается от художника-дельца и проходит мимо его поблекших творений. И будь вы моим учеником, я сказал бы вам так: "Лучше ошибись, но не лги".

Горбунов молча кивнул головой. Пауза.

К а т я. Папа, зачем ты с ним говоришь? Он тебя даже не слышит. Он совсем болен.

Г о р б у н о в. Нет, я слышу. И я совершенно здоров. Только я устал. Очень устал.

Картина пятая

Февраль. Просторная, комфортабельная каюта на плавбазе. Это - кабинет. Спальня находится рядом и отделена тяжелой портьерой. Сквозь замерзшие иллюминаторы льется яркий дневной свет. За письменным столом сидит контрадмирал Белобров - пожилой грузный человек сурового вида. Он глуховат на одно ухо, говорит рокочущим басом. Перед ним лежит толстая кипа бумаг. Здесь же Кондратьев - хозяин каюты.

К о н д р а т ь е в. Селянина звать, товарищ контр-адмирал?

Б е л о б р о в. А где он?

К о н д р а т ь е в. Ожидает в кают-компании.

Б е л о б р о в. Ну и пусть подождет. Горбунов вызван?

К о н д р а т ь е в. Приказано явиться в десять ноль-ноль, товарищ контр-адмирал.

Б е л о б р о в. Интересно хоть взглянуть, что за зверь такой. Какой породы? Хорошо его знаете?

К о н д р а т ь е в. Товарищи. Плавали вместе.

Б е л о б р о в. Раз плавали - должны хорошо знать. Ну, и как ваше просвещенное мнение?.. Стоящий человек? А?

К о н д р а т ь е в. Парень-то он вообще хороший...

Б е л о б р о в. Хороший - это понятие растяжимое. Хороших людей у нас много. Хороший, а безобразничает. Как же так?

К о н д р а т ь е в. Есть загибы - это безусловно. Указывал я ему.

Б е л о б р о в. Ага, есть? Ну, а в чем же именно? А? Вы - конкретнее. По-русски, чтоб мне понятно было.

К о н д р а т ь е в. Товарищ контр-адмирал. Вы же знакомились с материалами. Там есть все.

Б е л о б р о в. Читал. Все читал. Глаза себе сломал читавши. Бумаги тут исписано пропасть, благо она, сердешная, все терпит. Я вас про человека спрашиваю, про вашего товарища, а вы меня опять в бумагу носом.

К о н д р а т ь е в. Товарищ контр-адмирал...

Б е л о б р о в. Да что вы мне рассказываете, что я контр-

адмирал! Это я знаю очень хорошо. Мне это даже в зеркало видно. Вы мне расскажите такое, чего я не знаю. Бумага бумагой, но ведь человека-то сквозь нее не угадаешь. Бывает, что посмотришь на человека, потолкуешь с ним минут десяток, и то больше поймешь. А вы с ним, наверно, и водку не раз пили. (Надел очки.) Ну и пишут тоже: "распространял среди командного состава клеветнические факты о трудностях обстановки на Балтике". Как это понимать? А? Что это такое: "клеветнические факты"? А? Если это действительно факты, то при чем здесь, спрашивается, клевета? А если клевета, то о каких фактах тут мне толкуют? И на что клевета? На обстановку? На Балтику? На немцев, что вам мины ставят? Или на Советскую власть? А? Вот не понимаю. Объясните!

К о н д р а т ь е в. Я лично понимал в том смысле, что... Как бы это лучше выразить?.. Что Горбунов говорил, якобы обстановка весной будет много сложней, немцы применят новые средства... Ну и так далее.

Б е л о б р о в. Это и я понимаю. А для чего он это говорил? Запугать хотел? Значит, он враг? Я так понимаю. А может быть, для того говорил, чтоб людей научить, как лучше все эти трудности преодолеть. Тогда - молодец. (Пауза.) Воевать-то он хочет? Может? Умеет? Вот что вы мне расскажите. И второй вопрос: если он разлагал командиров, то почему же они у него не разложились? А если не разложились, то почему они все за него горой стоят?

К о н д р а т ь е в. Не все. Помощник, например...

Б е л о б р о в. Э, плохо знаете. Отстали от жизни. А я с помощником вчера битый час толковал. А нынче чуть свет ввалился ко мне старый приятель. Инженер на березовой клюке. Мы с ним вместе в Америку ходили. Серьезный товарищ. И такую речь произнес, что твой адвокат. А с другой стороны скандал, распущенность. Факт налицо. Вот ведь какие противоречия! (Посмотрел на часы.) Десять ровно. Ну пусть он только мне опоздает, я ему пропишу... перцу.

Кондратьев звонит, появляется вестовой.

К о н д р а т ь е в. Капитан-лейтенант Горбунов здесь?

В е с т о в о й. Так точно, здесь, товарищ капитан третьего ранга.

К о н д р а т ь е в. Просите. (Контр-адмиралу.) Мне присутствовать?

Б е л о б р о в. Да нет, это не обязательно. Идите к себе, занимайтесь своим делом. Я позову.

Стук в дверь.

Да!

Г о р б у н о в (вошел). Разрешите? Товарищ контр-адмирал, капитан-лейтенант Горбунов по вашему приказанию прибыл.

Кондратьев уходит на свою половину, сделав жест, одновременно ободряющий и предостерегающий.

Б е л о б р о в. Прибыл? Очень приятно, что прибыл. Давно хочу посмотреть, что за скандалист тут на дивизионе завелся. Ты что же это, молодой человек? Головка закружилась? Навоевал на три копейки и думаешь, что тебе все можно? На людей уже кидаться стал? Ходишь в форме, рукава в золоте, а налеты устраиваешь, как махновец какой-нибудь? Где тебя этому учили? Самовольство какое! Так ведь крылышки-то можно и подрезать. Так настегаю по мягким-то частям, что живо в голове просветление настанет. Ну? Объясняй свои поступки. Говори, если есть что сказать. Что ты на меня уставился?

Г о р б у н о в (очень бледен, говорит негромко и медленно). Товарищ контр-адмирал! Вам даны по отношению ко мне огромные права. Вы можете отправить меня под арест, отдать под суд и разжаловать. Но права говорить со мной в неуважительном тоне вам никто не давал.

Б е л о б р о в (скорее изумлен, чем рассержен). Скажите на милость! Какой петушок! Сам честит людей как хочет, а ему деликатное обращение подавай. Очень вы нежный! А если я в самом деле деликатным манером вас под суд отдам - что, лучше будет?

Г о р б у н о в. Так точно, товарищ контр-адмирал. Лучше.

Б е л о б р о в (с интересом разглядывает Горбунова). Вот вы какой, оказывается... норовистый. Ну, поглядим. Как же вас прикажете понимать: может, мы вас зря и побеспокоили?

Г о р б у н о в. По существу того, что мне предъявлено, я несколько раз давал объяснения. Ничего нового я не скажу. В инциденте, возникшем на складе девяносто, я проявил невыдержанность. В этом я виноват и должен понести ответственность. Что касается остального, прошу меня выслушать...

Б е л о б р о в. Не надо мне объяснений. Читал, знаю. Вот что вы мне скажите: вы этого Селянина давно знаете? Встречались раньше?

Г о р б у н о в. Никогда.

Б е л о б р о в. Личных счетов тут нет? Правду отвечайте.

Г о р б у н о в. Я никогда не говорю неправды. Личных счетов у нас нет. Какие могут быть личные счеты с человеком, которого видишь в первый раз в жизни?

Б е л о б р о в. Ну, не всегда это так. Могли что-нибудь знать о нем. Вас касающееся. Так? Какой-нибудь случай. Вот вы назвали

его изменником, предателем. Спроста ли? Русский язык богат. Почему именно - предателем?

Горбунов молчит.

Владимир Ильич говорил: "Кто не помогает всецело и беззаветно Красной Армии... тот предатель и изменник, того надо истреблять беспощадно".

Г о р б у н о в. Точно. Я согласен с Лениным.

Б е л о б р о в. Звучит гордо. Ну, хорошо. Как же теперь прикажете поступить с этим Селяниным? Вот вы сами, как видно, очень щепетильны, вас, видите ли, не тронь, а сами оскорбили человека, командира. Что ж мне теперь с ним делать? А?

Г о р б у н о в. Не мне вам указывать. В прошлые времена офицер, будучи оскорблен, должен был восстановить свое честное имя или покинуть полк. Селянин - человек без чести. Пусть уходит. Флот не много потеряет.

Б е л о б р о в. Интересно. Ловко рассудил. Прошлые времена! Вы, говорят, что-то очень уж увлекаетесь прошлым?

Г о р б у н о в. Нет. Я увлекаюсь будущим. Будущим нашего флота. Поэтому меня интересует прошлое, история, традиции. Я много думал о том, каким должен стать флот нашей страны. Меня занимает балтийский театр, проблемы современной подводной войны, мне хочется отчетливее представить себе противника, с которым я воюю, особенности его психологии, тактики. Возможно, я иногда ошибаюсь. Но у меня всегда есть свое мнение. Так я воспитываю и своих подчиненных. Я предпочитаю командовать сильными людьми, которые подчиняются мне потому, что на моей стороне власть, знания и авторитет, а не потому, что они сами не способны думать. Я им верю. И хочу, чтоб верили мне. Я готов выполнить любое приказание. Но если приказ еще не отдан и у меня спрашивают мое мнение, я не хочу гадать, попаду ли я в точку. Я солдат и обязан говорить прежде всего правду. Так, как вижу, так, как понимаю. А свой долг я от этого выполню не хуже. Это моя Балтика, мой флот, здесь моя жизнь, за это я готов умереть. (Остановился.) Простите, что я...

Б е л о б р о в. Ничего, ничего, говорите. Все сказали? Вот что, дорогой товарищ. Много на себя берете. (Пауза.) Это неплохо. Раз вы много на себя берете, следовательно, с вас и спрашивать можно много. Я так понимаю.

Г о р б у н о в. Спрашивайте, товарищ контр-адмирал.

Б е л о б р о в. Вот что. Я в вашем грязном белье рыться не собираюсь. Это мне вовсе не любопытно. Разговор будет матросский, короткий. Море любишь? Флот любишь?

Г о р б у н о в. Люблю.

Б е л о б р о в. Родину любишь? Партии нашей предан? Фашистов топить будешь? Первым пошлю в Балтику пролагать путь на Запад - пойдешь?

Г о р б у н о в. Корабль к выполнению боевого приказа готов.

Б е л о б р о в. Ну, ну, ну! Говорил дело и вдруг начал языком трещать. Где же он готов?

Г о р б у н о в. Ремонт закончен сегодня утром. Если завтра мне вернут орудие, приборы и моих людей, лодка может стать в трехсуточную готовность. Я не задержу - погода держит.

Б е л о б р о в (после паузы). Спасибо вам, мой дорогой. От всего сердца - спасибо. (Пожал ему руку.)

Горбунов хотел что-то сказать, но пошатнулся.

Что с вами? Что с тобой, дорогой? А ну, садись. (Усадил Горбунова.) Ишь, побелел совсем. Болен, что ли? А?

Г о р б у н о в. Нет. (С усилием поднялся.) Прошло. Извините, товарищ контр-адмирал. Не спал три ночи.

Б е л о б р о в. Куда же это годится! Ну, хватит, поговорили. Иди спи! Даю тебе своей властью за все твои беззакония трое суток ареста...

Г о р б у н о в. Есть, товарищ контр-адмирал.

Б е л о б р о в. Домашнего. Спи без просыпу. Потом поговорим. Марш! Прямо на трап - и домой! А что пошумел на тебя - не сердись. Я постарше годами. Старый матрос, могу иной раз и совсем непечатное ляпнуть. Вот вы, молодые, - вы уж поглянцевитее нас будете. А закваску мы вам дали все же неплохую. Как видно, не выветрилась. Прощай. (Обнял его и оттолкнул.) Уходи.

Г о р б у н о в. Разрешите идти?

Б е л о б р о в. Вот человек! Не разрешаю, а гоню. Проваливай. (Захлопывает за ним дверь.) Комдив!

К о н д р а т ь е в (вошел). Слушаю, товарищ контр-адмирал.

Б е л о б р о в. Слушаете, да мало чего слышите. Я вот глуховат немного, а и то побольше вашего услышал. Ладно уж. А видно, пушку-то придется этому озорнику отдать. А?

К о н д р а т ь е в. Есть.

Б е л о б р о в. То-то же, "есть"... И знаете, что я вам скажу? Будь этот парень моим другом, я бы его не так защищал, как вы. Я бы уж постарался. (Пауза.) А как вы думаете, комдив? Может, этот парень правду врет? Будем называться офицерами, будут у нас гвардейские части. Может быть, даже и погоны наденем? А? Как, по-вашему?

К о н д р а т ь е в. Не знаю, товарищ контр-адмирал.

Б е л о б р о в. Ну вот - не знаю. Я тоже не знаю. Но - возможно. К тому идет.

К о н д р а т ь е в. Селянина вызывать?

Б е л о б р о в. Да-да. Давайте. Я с ним недолго.

Кондратьев звонит. Появляется вестовой.

К о н д р а т ь е в. Из нижней кают-компании военинженера Селянина. Живо!

В е с т о в о й. Он здесь, товарищ капитан третьего ранга.

Б е л о б р о в. Пусть войдет.

Вестовой исчезает. Затем стук.

Да!

С е л я н и н (вошел). Разрешите? Товарищ контр-адмирал, военинженер третьего ранга Селянин по вашему приказанию прибыл.

Б е л о б р о в. Это вы - гражданин Селянин? У меня к вам есть только один вопрос.

С е л я н и н. Слушаю вас, товарищ контр-адмирал.

Б е л о б р о в (приподнялся из-за стола. В этот момент он страшен). Что вы делаете у нас на флоте?

Конец третьего действия

Действие четвертое

Картина шестая

Знакомый каждому ленинградцу памятник "Стерегущему" на Петроградской стороне. Бронзовая вода хлещет в иллюминатор, бронзовые матросы погибают, но не сдаются. Весна. Голубое небо. Где-то чирикает птица. Прозвенел трамвай. У памятника - Катя. Она ждет, вполголоса напевая: "Где бы ты ни был, моряк, в этот час..."

К а т я. Наконец! Почему так долго?

Г о р б у н о в (в плаще, с портфелем и небольшим чемоданчиком). Прошу прощения. Задержали в штабе...

К а т я. Вы хорошо выглядите. Посвежели. И глаза веселые. Я видела, вы шли и улыбались. Совсем по-детски. Как мальчишка, которому подарили игрушку.

Г о р б у н о в. Так оно и есть. Я ехал на трамвае. На самой обыкновенной "тройке". Сегодня у всех людей в трамвае были такие лица, как будто они катаются на карусели. И потом - солнце.

К а т я. Как я давно вас не видела! Почти три недели.

Г о р б у н о в. Девятнадцать суток и девять часов. (Пауза.) Что у вас слышно?

К а т я. У меня есть для вас замечательная новость. Сядем.

Они садятся.

Вот, читайте.

Г о р б у н о в (взял открытку). "Сообщается, что Горбунов

Владимир Викторович...". Не понимаю... "...Владимир Викторович, двух с половиной лет...". Вовка!

К а т я. Вы счастливы?

Г о р б у н о в. Минуточку. Бугурусланский район, ясли номер два. Так. Бугуруслан, где это?

К а т я. Где-то под Чкаловом.

Г о р б у н о в. Вовка! (Смеется.)

К а т я. Открытка пришла еще третьего дня. Я хотела дать вам телеграмму, но не знала кронштадтского адреса.

Г о р б у н о в. Как мне вас благодарить!

К а т я. Не меня. Федора Михайловича. А я только дала наш адрес.

Г о р б у н о в. Вовка! Хотел бы я на него сейчас посмотреть. (Пауза.) Что у вас нового?

К а т я. Папа здоров. Картина его висит в Доме флота, и скоро ее повезут в Москву. По-моему, это его лучшая вещь. Живет по-прежнему у Юлии Антоновны. Павел Анкудинович хочет переезжать к себе, но папа его не пускает. Да! Тамара теперь тоже живет с нами.

Г о р б у н о в (нахмурился). А что этот... Селянин?

К а т я. Разве вы не знаете? Его судил Трибунал как дезертира с поля боя. Из-за него погибла ваша жена. Зачем вы спрашиваете? Вы все знали значительно раньше меня.

Г о р б у н о в. Даю вам слово, ничего не знал. Механик молчал как рыба до вчерашнего дня. И то каждое слово надо было вытягивать клещами. А у контрадмирала я хлопал глазами и не мог взять в толк, о чем он меня спрашивает. Никогда этого Федору не прощу. Всю жизнь буду пилить.

К а т я. Не надо. Он - прелесть. Я бы хотела иметь такого друга, как он. А у него ведь, кроме вас, нет никого на свете. Он вас очень любит.

Г о р б у н о в. Это я сам знаю. Все равно буду пилить.

К а т я. Что у вас скверный характер, - это всем достаточно известно. Последнее время, кажется, стал немножко мягче. Тьфу, тьфу, не сглазить бы! А у меня характер портится. Я бываю теперь очень злая и противная. Юлия Антоновна говорит, что я стала шипеть на всех, как кошка. А на вас я очень, по-настоящему, глубоко обижена.

Г о р б у н о в. За что?

К а т я. Не хотела говорить, но придется, а то буду продолжать злиться. Скажите, зачем вы мне сказали неправду?

Г о р б у н о в. Когда?

К а т я. Тогда, в первый наш вечер - помните? Вы сказали, что у вас есть жена. Ведь вы уже тогда знали, что Лели нет. Зачем же?

Ну, хорошо, тогда вы могли сказать мне все что угодно, мы только что познакомились. Почему потом вы не сказали правды? У вас было горе, которого я не знала. Зачем вам это было нужно? Неужели вы думали, что я хочу - мне даже стыдно сказать - женить вас на себе? Вы чего-то боялись? Боже мой, если бы вы только знали, до чего мне это все равно. Мне все равно кем быть - вашей женой или любовницей, другом или сестрой - мне нужны только вы и ничего от вас. Вы мне нужны такой, какой вы есть - злой и нежный, в радости и в печали, здоровый или больной. Даже если б вы стали калекой, в моем чувстве ничего бы не изменилось. Все остальное меня не касается. Я могу кричать на улице, что вы мне дороги, а могу сделать так, что об этом никто никогда не догадается, даже папа и тетя Юля. Зачем вы меня обидели? Зачем?

Горбунов. Не знаю, смогу ли я вам объяснить... Понимаете, когда Соловцов рассказал мне, как погибла Леля, я вдруг почувствовал, - не знаю, поймете ли вы, - что ее смерть опять связала нас, что не может, не должно быть у меня ни любви, ни своего дома, пока я не отомстил за нее, за свою жену, которую не сумел защитить. Вы этого не поймете.

Катя. Нет, я понимаю.

Горбунов. Может быть, все это совсем неправильно, но что же с собой поделаешь!

Катя. Я догадывалась. Да нет, знала. И зачем я теряю дорогие минуты и спрашиваю вас обо всех этих вещах? Я же все, все знаю. Только очень хотелось знать наверное.

Горбунов. А сколько времени я потерял! Страшно подумать. А теперь, когда мне так много надо вам сказать, - время расставаться.

Катя. И не говорите. Помолчим. Я хочу, чтоб у нас было так, как у вас с Федором Михайловичем.

Горбунов (улыбнулся). Без лишних слов?

Катя. Угу. (Пауза.) Слышите? Это анданте из скрипичного концерта. Когда я его слушаю, я всегда думаю, что это про нас.

Радио доносит напряженно-страстный напев скрипки, сопровождаемый оркестром. Они слушают молча, не шелохнувшись. И когда с последним фермато руки их соединяются, им остается договорить немногое.

Когда ты уходишь?

Горбунов. Лодка стоит в готовности. Может быть, сегодня, может быть, через три дня. Об этом не спрашивают.

Катя. Ты будешь помнить меня?

Горбунов. Всегда.

Катя. Ты будешь слышать мой голос?

Горбунов. Изредка. Только рано утром, перед погружением.

Катя. Я буду часто читать шестичасовую сводку. И ты должен знать, что я думаю о тебе и говорю с тобой.

Горбунов. Да.

Катя. Передай привет всем своим. Скажи им, что я их очень люблю.

Горбунов. А меня?

Катя. Не смей шутить. Я не хочу.

Горбунов. Я не шучу. Просто мне хочется еще раз услышать, что ты меня любишь. Мне еще не верится.

Катя. Я тебя очень люблю. Очень сильно. И не понимаю, как тебя можно не любить.

Горбунов. Я хочу, чтоб ты поехала к моей матери. Познакомься с ней. Назовись ей... как захочешь, как тебе подскажет сердце. Я должен был раньше подумать об этом. Она живет в Кронштадте. Казарменная, восемь.

Катя. Я буду очень рада. Но как я попаду в Кронштадт?

Горбунов. Тебе поможет Борис Петрович. И вообще, если тебе что-нибудь нужно - к нему.

Катя. Я его не люблю.

Горбунов. Ты его не знаешь. А мы плавали вместе. Теперь насчет Вовки. Когда отгоним немцев от города, заберем его сюда? У меня на тебя большие надежды. Ваш покорнейший слуга, как видите, весьма далек от совершенства. Пусть мой сын будет настоящим офицером флота. Вернусь - еще поговорим. Ну, а если - сама понимаешь, война, - если что случится, пусть он знает, что его родной отец был моряком и погиб в бою за Балтику. И больше ничего. Вот так.

Катя. Постой. Что ты сказал? И почему я тебя так спокойно слушаю? Виктор! Подожди. Я не хочу.

Горбунов. Успокойся. Я совершенно уверен в себе и в нашем успехе. Но надо же трезво смотреть на вещи. Случайности бывают и на Невском.

Катя. Я не хочу ничего знать. Ну почему все так несправедливо? Почему именно теперь, когда ты стал мне таким близким, тебя от меня забирают? И почему первыми идти в море, навстречу всем опасностям должны самые лучшие, самые смелые и честные, а другие, как твой Борис, могут ходить по Набережной с самодовольным видом, когда ты, ты...

Горбунов (мягко). Катя, перестань!

Катя. Нет, не хочу. Я имею право говорить так, как я чувствую. Мне страшно, и я не хочу, чтоб ты уходил. Почему именно ты? Почему раньше, чем все? Я не могу смотреть на этот

памятник, он поставлен здесь, чтобы свести меня с ума.

Г о р б у н о в. Катя, возьми себя в руки. (Пауза.) Этот памятник поставлен здесь для того, чтобы напоминать людям, что такое долг и честь. Я хочу, чтоб ты разлюбила и отреклась, чтоб ты прокляла меня и самую память обо мне, если я, командир советского корабля, окажусь слабее духом, чем матрос со "Стерегущего".

К а т я. Я не разлюблю тебя никогда.

Г о р б у н о в. Неправда. Ты сказала, что любишь меня таким, как я есть. Если б я не хотел идти в поход, если б я вдруг захотел спрятаться за твою юбку, - это был бы уже не я. И назавтра я стал бы для тебя ничтожеством, падалью, ты прошла бы мимо меня не оглянувшись.

К а т я (плача). Может быть. И все-таки я не могу. Не могу...

Г о р б у н о в. Катя! Ты помнишь наш тост в декабре?

К а т я (сквозь слезы). Помню. Кто помогает воевать - друг. Мешает враг. Помню.

Г о р б у н о в (жестко). Ты мне мешаешь, Катя.

К а т я. Прости. Сейчас. Ты должен понять. Ну, сейчас. Одну, одну минуточку. Вот видишь, я уже улыбаюсь. Я слушаю тебя. Что ты хотел сказать? Я все помню. Не беспокойся ни о чем. Все будет хорошо. Иначе быть не может. И Вова будет моим сыном. (Засмеялась.) Видишь, я даже смеюсь.

Г о р б у н о в. Почему?

К а т я. Так. Я еще не была твоей женой, а уже стала матерью. Тебе пора? Иди.

Г о р б у н о в. Да. Меня ждут. Прощай, любимая! До встречи.

К а т я. До скорой встречи. Ты вернешься с победой. Я буду тебя встречать на пристани. Жаль, что ты не услышишь, как я пою. Иди. (Целует его.) Иди. Видишь, я улыбаюсь. Иди. Возвращайся скорей.

Г о р б у н о в (уходя). Всем на берегу, кто меня помнит, привет!

К а т я. Всем уходящим в море - привет! Иди. Будь бодр и весел. Ты видишь, я улыбаюсь тебе.

Картина седьмая

Светлая ночь. Крытая веранда, прилегающая к кают-компании береговой базы подводных лодок в Кронштадте. С веранды виден затемненный рейд: отблеск луны на черной поверхности моря, сигнальные огоньки, движущаяся светящаяся точка - идет катер. Изредка доносится негромкое завывание сирены. Совсем вдали на южном берегу - вспышки ракет, медленные потоки трассирующих снарядов. Сквозь застекленную дверь

доносятся звуки музыки. Там идет концерт. Слышен голос Кати. Она поет ту песню, что пела на корабельной годовщине. На перилах веранды сидит молодой командир-подводник Веретенников. Он курит. Огонек папиросы все время путешествует, ибо командир ни секунды не остается в покое. Он меняет позы, размахивает руками, подпрыгивает. Заслышав шум аплодисментов, он тоже аплодирует. Аплодисменты повторяются раза три, затем на веранду выходит Катя и устало опускается на скамью.

В е р е т е н н и к о в (встает и, пошатываясь, аплодирует). Браво! Браво! С большим чувством. Не сочтите за лесть. Исключено! От души. Разрешите представиться - старший лейтенант Веретенников, командир энской подводной лодки. Энской!

Катя слегка кивает головой и отворачивается.

Белые ночи, а? Описано Достоевским и так далее. Очень красиво, нэ сэ па? А я вам говорю, ничего не может быть хуже. Брр! Не дают носу высунуть. Как хочешь, так и заряжайся. Катеришки бродят маленькие, паршивцы такие, чуть вылезешь подышать - они тут как тут. Только успеешь бултыхнуться: бу-бух, бу-бух! И так штук двадцать. До сих пор в ушах звенит. Но шалишь! Аусгешлоссен! Сашку Веретенникова голыми руками не возьмешь. Самый малый вперед, так держать!.. Ауфвидерзейн. Ищи-свищи. Может быть, думаете, я хвастаюсь? Жамэ! Никогда. Может быть, я бы и мог, но пока - псс. Исключено! Спросите кого хотите, в вам скажут: Сашка Веретенников не хвастун. Но дело понимает.

Катя упорно молчит.

Может быть, вы обиделись, что я из зала вышел? В таком случае - миль пардон. Ай эм вэри сори! Я отсюда слушал. Там душно. Как в лодке. И - тесно. А я не могу сидеть на месте. Ходить хочу: топ, топ, топ. (Прошелся по веранде.) Хорошо! Палуба ровная, никаких тебе кренов и дифферентов. Немножко качает. Это - меня. Два балла. А вчера нас в заливе тряхнуло. Штормяга. Восемь баллов. Брр! Послушайте! Вы, наверное, думаете, что моряки только море любят, а на земле нам скучно? Так в книжках пишут. Не верьте. Вранье! (Пробежался.) Топ, топ, топ. Землю нельзя не любить. Кто плавал, тот хорошо понимает. (Вздыхает.) Уф, до чего здорово! А я все отсюда слышал. Знаете, что у вас замечательнее всего? Эта... как ее? Сцена пьянки из "Периколы". "Я просто готова. Ха-ха!" (Заливается счастливым смехом.)

К а т я. Вы не обидитесь на меня? Если можно, оставьте меня

одну. Уйдите.

В е р е т е н н и к о в. Слушаюсь. Только - минуточку. Может быть, вы думаете, что я пьян и пристаю? Никогда! Исключено! Я не пьяный. Я - веселый. Сто грамм кагора. Всё. А развезло, потому что воздух. С двух рюмок - полная потеря квалификации. И насчет приставания - тоже исключено. Все - олл коррект, как говорят наши уважаемые союзники. Хай лайф! Спик инглиш? Советский командир по отношению к женщине должен быть рыцарем. Так говорил Витька Горбунов - золотой дружок, герой, бесценной души человек Витьку жалко... (Закрыл глаза кулаками.) За Витьку я им... горло перегрызу.

К а т я. Умоляю вас, уходите.

В е р е т е н н и к о в. Ухожу. Ваше желание - закон. Только я не пьяный. Я рыцарь. Не пес-рыцарь, а русский моряк тире подводник. (Прикладывает руку к козырьку.) Старший лейтенант Веретенников к выполнению новых заданий командования готов. (Покачнулся, спускаясь со ступеньки.) Нет, сегодня к выполнению не готов. Вот он выспится - и пожалуйста! Куда угодно. На край света. А сегодня он просто готов: "Я просто готова. Ха-ха". Гуднайт! (Пошел и остановился.) А все-таки фюрер от Сашки Веретенникова имеет крепкую зарубку на память. Это - пока. Для начала. Продолжение следует. А что такое, трезво рассуждая, этот самый Сашка? Ярославский мужик, колхозник, обыкновенный пахарь. Ноль целых, молекула. А нас - двести миллионов. Около. Что ж это будет, когда мы всей артелью навалимся? Ой, и худо же тебе будет, фюрер! (Зажмурился и захохотал.) Ой, худо! (Исчезает.)

К о н д р а т ь е в (выглянул из двери). Веретенников! Саша! (Оглянулся.) Катерина Ивановна? Вы? Что такое? Плачете?

К а т я. Оставьте меня, Борис Петрович. Мне никого сейчас не хочется видеть. И меньше всего вас.

К о н д р а т ь е в. Есть. Ухожу.

К а т я. Подождите. Слушайте. Я хочу, чтобы вы мне сказали правду. Я взрослая женщина, и играть со мной в прятки нелепо. Виктор погиб?

К о н д р а т ь е в. Ну вот, опять все сначала. Я вам, Катерина Ивановна, докладывал, какое положение. Больше я ничего не знаю.

К а т я. Ну, повторите.

К о н д р а т ь е в. Да тут повторяй не повторяй - все одно и то же. Успешно форсировал залив, вышел в Балтику. Есть данные о крупном боевом успехе, для этого типа лодок неслыханном. Торпед у него больше нет, так что он вот-вот должен вернуться.

К а т я. Как вы это все равнодушно говорите!

К о н д р а т ь е в. Знаете что, уважаемая Катерина Ивановна! Легче на поворотах. Вы меня своей дружбой не удостоили, разрешите и мне вам не докладывать, что у меня в душе делается. У вас, быть может, с Виктором высокая любовь, недоступная моему пониманию, я все это очень уважаю, но, между прочим, знаете вы его без году неделю, надолго ли вас хватит неизвестно, а я с Витькой, хорошо ли, худо ли, пять лет дружу. Вместе воевали и мокли, и сохли, и тонули, и я нашей мужской дружбы ниже ваших замечательных чувств не поставлю. "Равнодушно"! А что мне делать прикажете? Плакать? Не обучен. Да я за Витьку с радостью бы голову отдал, чтобы он только здравствовал. И не потому только, что он друг, а потому, что он талант, умница, гордость наша. Кто я такой по сравнению с ним? Серый человек, самый обыкновенный, каких на сто - сто двадцать. Корабль водить могу, стрелять умею, хлеб свой не даром ем. Точка. Ну может, дослужусь опять до комдива, если цел останусь. А Виктор - это надежда наша, может быть, адмирал будущий. "Равнодушно"!.. А! Что с вами говорить...

К а т я. Извините меня, Борис Петрович. Я нехороша сказала. Мне очень тяжело, и я становлюсь несправедливой.

К о н д р а т ь е в. Вы меня извините...

К а т я. Вы сейчас сказали: дослужусь до комдива. Разве вы не комдив?

К о н д р а т ь е в. Никак нет. Сняли.

К а т я. За что?

К о н д р а т ь е в. Да если формально подходить, то и не снимали даже. Все чинно, благородно - перевели на большую лодку. Лодка у меня - красотка: огромная, новенькая, последнее слово техники. Ну, а по существу... так я знаю, за что.

К а т я. За что же?

К о н д р а т ь е в. За трусость.

К а т я. Вас?

К о н д р а т ь е в. Смешно? Это только на первый взгляд. Видите, какой камуфлет может с человеком произойти. В море ничего не боялся, а на берегу сплоховал. Сначала занесся выше меры, а потом испугался. Ну, а раз испугался - точка. Потерял себя. Значит, чего-то не хватает.

К а т я. Вы не обидитесь, если я вам скажу?

К о н д р а т ь е в. Да я сам знаю чего. Кругозора. Вам легко говорить. Вы все-таки, извините меня, у судьбы любимая дочка. Отец у вас выдающийся старик, жили вы среди картин, чуть подросли - пожалуйте в консерваторию. А у меня отец был зверь. Мать забил до смерти, да и меня бы пришиб, не догадайся я из дому сбежать. На флот я пришел не из кадетского корпуса, а с

завода. Подготовочка так себе, а требования большие. Теперь не парусный флот, техника шагает. Ну, и крутишься, как бес перед заутреней, по неделям на берег не сходишь, людей не видишь. Морская служба трудная, а нашему поколению подводников еще и вдвойне досталось. Нас пекли да приговаривали: "Жми, братцы, на специальность, давай боевую подготовку - война на носу!" И хорошо, что так. Видите - воюем. И неплохо. А ведь когда я на флот пришел, ничего у нас не было. Голые. Ни лодок, ни кадров, ни тактики. Все - сами. Теперь-то мы - сила. Нас немец боится. Вот погодите, Катерина Ивановна, отвоюем, полегче станет - приходите тогда к нам в офицерское собрание. Я к тому времени обучусь манерам и танцам, и разрешите тогда вас на тур вальса. И заодно поговорим. (Смотрит на часы.) А сейчас, прошу извинить, - мне пора.

К а т я. Подождите минутку, Борис Петрович! Скажите, вы верите, что Виктор вернется?

К о н д р а т ь е в. Верю. А главное - хочу. И чем больше хочу, тем больше верю. Без веры воевать нельзя. Кто верит - выиграет. А кто отчаялся тот уже, считайте, проиграл. Такие-то дела.

К а т я. Вернется?

К о н д р а т ь е в. Обязательно. И с большой победой... Ну и мы постараемся не отстать.

К а т я. Скоро в поход?

К о н д р а т ь е в. Совсем скоро.

К а т я. Когда? Или это нельзя говорить?

К о н д р а т ь е в. Не полагается. Скоро, чего вам еще!

К а т я (внимательно оглядывает Кондратьева, висящую через плечо сумку.) Куда вы шли?

К о н д р а т ь е в. На лодку. Затеял сегодня маленькое учение. Задачку будем сдавать.

К а т я. Мы уезжаем в Ленинград завтра утром. Я вас еще увижу?

К о н д р а т ь е в. Да нет, навряд ли. Может, отойдем от стенки, будем тут на рейде крутиться. Так что давайте уж попрощаемся. До свидания, Катерина Ивановна, не поминайте лихом.

К а т я. Конечно, вы сейчас мне говорите неправду. Не возражайте - я не в претензии. Но как же я сразу не догадалась? Даже в голову не пришло. Вы так спокойно...

К о н д р а т ь е в. А что же мне беспокоиться? Рано. Вот выйду за маяк, тогда буду беспокоиться.

К а т я. Хотите идти в море?

К о н д р а т ь е в. Хочу. Плавать - это по мне. Моя стихия. Одно меня гложет: нет у меня такого человека на берегу, который

бы меня ждал, вот как вы Виктора. Чтобы выйти ночью на мостик, курнуть вот этак (показывает, как курят на мостике) и знать, что вот сейчас и она обо мне думает. Вот как в песне поется... (Насвистывает.)

К а т я. У вас нет жены?

К о н д р а т ь е в. Нету. Холостяк. Настоящая любовь, какая бывает раз в жизни, меня еще не посетила: видит, что занят товарищ, ну и проходит мимо. Вот Виктору - счастье. Даже зависть берет. Нехорошее это чувство зависть, темное. А я Витьке не раз завидовал. Дружба дружбой, а вдруг какой-то бес взыграет, ну и прижмешь его: знай, мол, свое место. Вот теперь признался легче стало. До свидания, Катерина Ивановна. Вспоминайте иногда.

К а т я. Я буду вас вспоминать каждый день. И буду ждать вашего возвращения. Вы теперь для меня, как брат - Виктора или мой - это все равно. Дайте я вас поцелую на прощанье. (Обнимает его и целует.) Желаю вам удачи.

К о н д р а т ь е в. Знаете что? Напойте мне еще разок эту вашу песню. Запомнить хочу. (Напевает.)

Где бы ты ни был, моряк, в этот час...

К а т я. Нет, не так. Полтона выше. (Напевает.)

К о н д р а т ь е в. Опять не слава богу! Есть, полтопа выше. (Целует руку.) Желаю вам скорее увидеть Виктора целым и невредимым. До свидания, сестричка. (Спускается с лестницы напевая.)

Где бы ты ни был, моряк, в этот час...

К а т я (с веранды ему вторит, затем всплескивает руками и кричит). Борис Петрович! Не так (Напевает.)

К о н д р а т ь е в (из темноты). Знаю, что не так. Что же делать? Медведь на ухо наступил.

Слышен его смех и удаляющиеся шаги.

Завывает сирена.

Картина восьмая

Белая ночь. Штиль. Мостик подводной лодки. Лодка неподвижна и слегка накренена. Берегов не видно. Море на горизонте сливается с небом. На мостике Горбунов. Он загорел и исхудал, в остальном неизменен. Вахтенный командир Туровцев, боцман Халецкий и Соловцов просматривают горизонт. Граница, перевязанный бинтами, наблюдает за воздухом. Люди неподвижны. Все глаза устремлены вдаль.

С о л о в ц о в (встрепенулся). Правый борт, курсовой десять - огонь.

Х а л е ц к и й. Где? (Смотрит в указанном направлении.)

Протри очки. Какой огонь? Обыкновенная звезда.

С о л о в ц о в (смущенно). Верно.

Х а л е ц к и й. Что тебя спортили, что ли, на суше? Какие теперь огни на море? Где это видано? Босяк.

Г о р б у н о в. Разговоры! (Туровцеву.) Какая звезда, штурман?

Т у р о в ц е в. Сейчас. Альфа из созвездия Скорпиона.

Г о р б у н о в. То-то. Где же механик? (Наклонился над рубочным люком.) Внизу!

Приглушенный ответ.

Инженер-капитан-лейтенанта Ждановского - на мостик. Граница!

Г р а н и ц а. Есть, Граница!

Г о р б у н о в. Глаза не устали? Дать смену?

Г р а н и ц а. Нет, товарищ командир. Ясно вижу.

Г о р б у н о в. А что видишь?

Г р а н и ц а. Покуда, кроме звезд, ничего, товарищ командир.

Ж д а н о в с к и й (поднялся на мостик). Слушаю, товарищ командир.

Г о р б у н о в. Почему крен?

Ж д а н о в с к и й. Выравниваем. Откачка идет вручную.

Г о р б у н о в (взял за локоть Ждановского и отвел). Ну, а вообще как?

Ж д а н о в с к и й (слегка пожал плечами). Все всмятку. Ничего сделать нельзя.

Г о р б у н о в. Это мне ясно. Команда?

Ж д а н о в с к и й. Спокойна. Всё понимают, конечно. Не дети.

Г о р б у н о в. Раненые?

Ж д а н о в с к и й. Глазычеву хуже. Начались галлюцинации. Остальные работают.

Г о р б у н о в (кивнул головой. После паузы.). Знаешь, о чем я сейчас думаю, Федя?

Ж д а н о в с к и й. Знаю.

Г о р б у н о в. Теперь можешь сказать.

Ж д а н о в с к и й. Все правильно. Я тоже считал, что нужно всплывать и открывать огонь. Нет торпед, но есть пушка - значит, надо атаковать. Ты утопил еще один корабль и уже поэтому прав. Это святое дело. А что мы сами заработали пару пробоин - в бою от этого никто не застрахован.

Г о р б у н о в. Ну что ж, очень приятно, что партийное руководство меня поддерживает. (Улыбнулся.) А ты стал разговорчивее, механик. Я впервые слышу от тебя такую длинную речь.

Ж д а н о в с к и й. Да. У меня последние дни как-то отлегло от сердца.

Г о р б у н о в. Лодка дала все, что она может дать. Мы ни разу не промахнулись торпедой и расстреляли почти все снаряды. И надо же после всего этого попасть в такой дурацкий переплет! Сейчас мы могли бы уже быть в точке встречи. Дома, понимаешь, механик?

Ж д а н о в с к и й. Ты считаешь положение безнадежным?

Г о р б у н о в. Надежды я не теряю. Если я потеряю надежду, что будет с командой? Но шансы наши невелики. Если противник нас обнаружит, мы примем бой. При попытке захватить нас я взорву лодку. Вот так.

Ж д а н о в с к и й. Я никогда не видел тебя таким спокойным. И команде это передается. Тут Глазычев что-то заблажил: "Что с нами будет?" А старшина Сидоренко ему: "Мовчи! Подывись на командира. Як Ежик каже, так воно и буде!"

Г о р б у н о в. Ежик - это я? Не знал. Безобразие. (Пауза.) Я часто думал о том, что этот день может наступить. Ты понимаешь, о чем я говорю? День генеральной проверки, испытания на прочность. Иногда я его боялся. Не смерти боялся, а самого себя. Сумею ли я вести себя так, как считаю должным. Сейчас об этом я уже не думаю. Все очень просто, и выбирать не из чего. Будем драться, и если нам суждено погибнуть, то умрем как солдаты и большевики. Это почетная смерть, и, чтобы так умереть, стоило жить. Штурман!

Т у р о в ц е в. Есть!

Г о р б у н о в. Главстаршину Тулякова - ко мне.

Т у р о в ц е в. Есть вызвать Тулякова. (Кричит.) Внизу! Главстаршину Тулякова - на мостик.

Г о р б у н о в. Я не говорю, что мне не хочется жить. Хочется. Хочется увидеть Вовку, Катю. Вчера я слышал ее голос. Она очень волнуется, я это понял с первых слов. И вообще я люблю жизнь. Интересно. Интересно увидеть, как наши корабли пойдут на Запад. Интересно взглянуть на наш флот через десять-пятнадцать лет. Я люблю этот мир - небо и звезды, море, землю, людей. Видеть, ощущать его - радость. И все-таки для меня остается непостижимым, как можно даже помыслить о сдаче! Жить и знать, что твоя жизнь куплена ценой свободы и чести. Что может быть страшнее!

Т у л я к о в (появился). Товарищ капитан-лейтенант, главный старшина Туляков по вашему приказанию явился.

Г о р б у н о в. Как дела, Туляков?

Т у л я к о в. Ничего сделать невозможно, товарищ командир. По идее-то оно, конечно, ясно, чего надо делать, да вот

энергетика подкачала. Нам бы только дочапать до базы, а там-то мы быстро...

Г о р б у н о в (улыбнулся). Ну, уж если Туляков говорит "невозможно"... Вот что, Туляков. Серьезное дело.

Т у л я к о в. Слушаю, товарищ командир.

Г о р б у н о в. Подготовить все к взрыву корабля. Это на крайний случай - ясно? Быстро, тихо, не привлекая внимания. Надеюсь на вас.

Т у л я к о в. Будьте покойны, товарищ командир. Все будет нормально.

Г о р б у н о в. Вот так. Действуйте.

Т у л я к о в. Есть. (Спускается вниз.)

Г о р б у н о в. Помощник!

Т у р о в ц е в. Есть.

Г о р б у н о в. Я буду говорить с командой.

Т у р о в ц е в. Есть. (Кричит.) Внизу! Центральный пост - слушать командира! Передавать по отсекам.

Г о р б у н о в. Друзья! Мы честно дрались. Год войны не прошел для нас даром. Мы заучились бить врага наверняка. От лица службы благодарю весь личный состав за мужественное и умелое выполнение своего воинского долга перед Родиной. Передано?

Т у р о в ц е в. Репетуют. (Наклоняется над люком, затем выпрямляется и прикладывает руку к пилотке.) Товарищ командир! Из носовых отсеков отвечают: "Служим Советскому Союзу!" Корма отвечает: "Служим Советскому Союзу!"

С о л о в ц о в. Правый борт, курсовой тридцать, двести метров перископ!

Г о р б у н о в. К бою!

Команда мгновенно принимается.

По перископу!.. Отставить. Наши опознавательные?.. Отвечать. Передайте по ЗПС: предлагаю немедленно всплыть.

С о л о в ц о в. Скрылся.

Х а л е ц к и й. Опять показался. Курсовой прежний.

Г р а н и ц а. Вижу!

Г о р б у н о в. Граница! Куда смотрите? Наблюдать за воздухом.

Г р а н и ц а. Есть!

С о л о в ц о в. Всплывает!

Г о р б у н о в. Внимание! Слушать мою команду...

С о л о в ц о в. Рубка показалась...

Напряженная пауза. Затем истошный крик и топот.

Г о р б у н о в. Что такое? Кто смел? (Схватился за пистолет.) Краснофлотец, с окровавленной повязкой на голове вырвался на

палубу. Он с криком подбегает к лееру и хочет броситься в воду. Выбежавший "доктор" хватает его за руки.

Д о к т о р. Глазычев. Вырвался...

Г л а з ы ч е в. Пустите! Лучше разом!.. (Рвется.)

Г о р б у н о в. Глазычев! Ко мне! Слышите?

Услышав голос командира, Глазычев перестал рваться.

Его за руки подводят к мостику.

Глазычев! Посмотрите мне в глаза. Так. Успокойтесь. Это я. Успокойтесь. Вот так. Знаю, знаю, вы не виноваты. Это рана. Идите. Доктор, следите неотрывно.

Глазачева уводят.

Х а л е ц к и й. Ограждение показалось! Большая лодка!

С о л о в ц о в. Наша!

Г о р б у н о в. Почему?

С о л о в ц о в. По обводам. Головой отвечаю - наша, товарищ командир!

Т у р о в ц е в. Кто внизу крикнул - наша? Отставить! Командир еще ничего не сказал.

Х а л е ц к и й. Палуба показалась!

Пауза. Все глаза устремлены вдаль.

Г о р б у н о в. Наша.

Радостное оживление.

Ж д а н о в с к и й. Стоит или идет?

Х а л е ц к и й. Идет под моторами. Малым. На сближение.

С о л о в ц о в. Люди на мостике. Наши!

Г о р б у н о в. Отставить! Просматривать весь горизонт. Следить за воздухом. Помощник!

Т у р о в ц е в. Есть!

Г о р б у н о в. Швартовую команду наверх!

Т у р о в ц е в. Есть, наверх. Внизу! Швартовую команду наверх!

Х а л е ц к и й. Заходит с правого борта.

Т у р о в ц е в. Комдив на мостике!

Г о р б у н о в. Боцман! Приготовиться играть захождение. Проверить внешний вид. Соловцов, застегнуться!

С о л о в ц о в. Есть.

Х а л е ц к и й. По местам стоять!

Параллельно лодке Горбунова вползает гигантское тело кондратьевской лодки. Шуршат моторы, плещет вода.

Г о р б у н о в. Захождение!

Играет боцманская дудка.

Х а л е ц к и й. А ну, давай!.. Несчастная та женщина, что за тебя замуж выйдет!.. Кто так конец бросает? Закрепляй, чтоб тебя...

Г о р б у н о в. Тихо, боцман!

Лодки постепенно сближаются так, что рубки оказываются почти рядом.

К о н д р а т ь е в (с мостика). Здорово, орлы! Виктор, ты? Здорово, командир! Захождение играешь, а небось уж нацелился дырку во мне сверлить? Ну что у тебя? Докладывай.

Г о р б у н о в. Товарищ капитан третьего ранга! Боевой приказ командования выполнен. В артиллерийском бою с кораблем противника получили повреждение. Хода не имею. Убитых пятеро, раненных тяжело один.

К о н д р а т ь е в. Тяжелый случай. В какой помощи нуждаетесь?

Г о р б у н о в. Лодка сохранила плавучесть, может следовать до ближней базы на буксире. В случае угрозы со стороны противника рубите концы и погружайтесь. Мы не сдадимся. У нас все готово.

К о н д р а т ь е в. Узнаю командира. Трудные задачи задаешь. Добро! Попробуем. Отдать швартовы! Помощник, командуйте...

Краснофлотцы разбежались по местам.

С о л о в ц о в. Левый борт, курсовой двадцать, силуэт корабля!

Г о л о с с л о д к и К о н д р а т ь е в а. Левый борт, курсовой двадцать, силуэт корабля!

Г о р б у н о в. Где? Эх, дьявол!

К о н д р а т ь е в. Всё отставить! Перебросить сходни. На мостике! Слушать мою команду. Личному составу перейти ко мне на борт. Лодку затопить.

Г о р б у н о в. Есть. Личному составу покинуть корабль. Командирам боевых частей взять секретные документы. Личных вещей не брать. Сохранять полный порядок. Механик, открыть кингстоны!

Из люка поодиночке выходят краснофлотцы. Приближаются к сходням.

В чем дело? Почему задержка?

С о л о в ц о в (рывком отстраняется, уступая дорогу). Иди, кто хочет, первый. Почему я?

Г о р б у н о в. Без разговоров!

Вереница двинулась по сходням.

К о н д р а т ь е в. На лодке! Быстрее. Все сошли?

Г о р б у н о в. Где вы, механик? Готово? Сходите! Клапана вентиляции я сам открою.

Ж д а н о в с к и й. Я не сойду без тебя.

Г о р б у н о в. Я вам приказываю!

Механик сходит.

Г о л о с. Курсовой двадцать - миноносец!

К о н д р а т ь е в. Командир, сходите.

Г о р б у н о в. Я корабля не покину.

К о н д р а т ь е в. Как старший по званию, как командир дивизиона, приказываю вам сойти.

Г о р б у н о в. Лодка не должна достаться врагу.

К о н д р а т ь е в. Я за это отвечаю. Капитан-лейтенант Горбунов! Если вы немедленно не подчинитесь, - погибнете бесславно. Услышу еще хоть слово, кроме слова "есть", - застрелю на месте.

Г о р б у н о в. Есть. (Целует край флага, срывает полотнище с древка и сходит с корабля, пряча флаг на груди.) Прощай, мой корабль.

Загремели сходни.

К о н д р а т ь е в. К погружению! Виктор, иди сюда, дружище. Плачешь? Не плачь.

Г о р б у н о в. Прощай, мой корабль! (Снимает фуражку.)

К о н д р а т ь е в. Твою старуху сами затопим, врагу не достанется. А этого голубчика мы сейчас с тобой на пару трахнем. Счет пополам. Носовые торпедные аппараты - товсь! А затем не возвращаться же? Виктор, а? Вперед пойдем.

Г о р б у н о в. Да. Только вперед. В Балтику!

Лодка шумно вздохнула. Зашипел выходящий из цистерн воздух. Взвыл ревун - корабль готовится к атаке.

Конец

1943